

Космос

4
АПРЕЛЬ

1973

Космёр
4

АПРЕЛЬ

1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза пионеров СССР
Издается с 1936 года

**Фотоснимки
сделаны
в Звездном**

1

**НОВАЯ ПОВЕСТЬ
СТАРОГО КОСТРОВЦА
МИХАИЛА МОХОВА**

5

**Советуемся,
спорим,
удивляемся,
радуемся**

20

**Вспоминает
писательница
Вера Панова**

26

ДРОЖИ, БУРНИЙ!

36

КАК РИСУЮТ НИТНАМ

48

**МОГЛА
ОЛУЧИТЬСЯ
БЕДА, НО...**

58

**На обложке
рисунок Д. Бенария**

КОСМОНАВТ-ПИОНЕРАМ

Здравствуй, дорогая редакция журнала «Космёр»! Мы окончили семь классов, перешли в восьмой, но по-прежнему с удовольствием выписываем и читаем ваш журнал. Здесь мы находим много полезного для себя, стараемся как-то подражать героям многих повестей, рассказов.

Наш класс носит имя Георгия Тимофеевича Берегового. Мы очень хотели бы, чтобы Георгий Тимофеевич написал нам, рассказал о своей жизни, о детстве, о мечтах. Еще мы хотели бы, чтобы он написал нам, а особенно нашим мальчишкам, как сделать, чтобы сбылись мечты. В нашем классе все мальчишки мечтают быть слесарями, строителями, шоферами, но никто не думает быть инженером, например. Конечно, при строительстве коммунизма в нашей стране нужны все профессии, но не всем же быть строителями, кому-то надо лететь в космос, как Георгий Тимофеевич, мыслить, как сделать труд людей легче. Я думаю, что это пойдет на пользу нам и нашим мальчишкам задумаются, может быть, и над этой проблемой.

Мы будем очень ждать.

Аня Дунаева, Брянская область

Говорит Георгий Тимофеевич Береговой:

Когда я взял Анино письмо в руки, мне казалось, что я уже заранее знаю, о чем пойдет речь. А вот, оказывается, не угадал! И это мне, как ни странно, приятно.

Ведь о чем нам обычно пишут? «Помогите выучиться на космонавта! Хочу быть космонавтом!»

Между прочим, похожая история у артистов: тоже тысячи писем, и в каждом — «хочу сниматься в кино».

А теперь представьте на минуту — вся страна состоит из одних киноактеров. Или — из одних космонавтов.

Актеры, конечно, будут сниматься.

Космонавты продолжают исследования межпланетного пространства.

А кто будет строить кинозалы и космические корабли, выпекать и печь хлеб, шить одежду — и для актеров, и для космонавтов, и для себя?

Как депутат Верховного Совета СССР, я знаю, что существуют цифры баланса рабочей силы, из которых ясно, сколько строителей и слесарей, врачей и летчиков, хлеборобов и швей требуется нашей стране сейчас, через год и через пятилетие.

Стране нужны миллионы строителей, слесарей, трактористов. И лишь десятки тысяч летчиков, несколько тысяч артистов, — а космонавтов? И того меньше, как понимаете.

И поэтому-то Анино письмо, хоть она сама и огорчается, меня обрадовало. Ее одноклассники планируют свою жизнь в соответствии с общественной необходимостью, с интересами народа и страны. Молодцы ребята.

Есть, правда, одна важная подробность, о которой Аня не пишет. Где причина того, что ее соученики как один нацелились на «массовые» специальности? Если они их выбрали по склонности, от души, — честь им и хвала. Ну, а если кто-то из них просто испугался трудностей,

Бортжурнал Юрия Гагарина

Небольшая планшетка в металлической рамке. В ее верхнем углу отверстие для шнура, чтобы можно было

привязать журнал, когда в космическом корабле наступит состояние невесомости.

На первой планшечке Юрий Гагарин карандашом написал: „9.33 вошел в тень Земли. В иллюминаторе ничего не видно.“

9.42. В тени. Самочувствие хорошее. Слышу „Амурские волны“. Связь с землей нет, слышу позывные ВС+14.

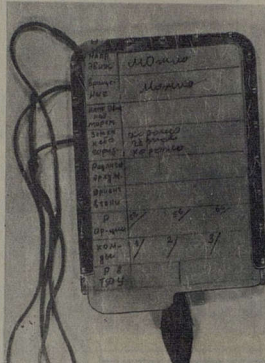
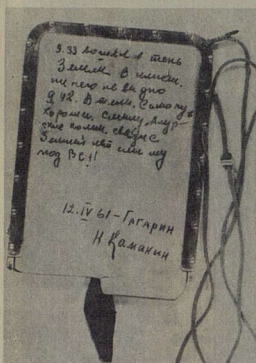
Не так уж много записей в этом журнале, да ведь и полет продолжался недолго: всего час с небольшим, один-единственный виток — но зато какой!

— Задание выполнено, — доложила, вернувшись на Землю, Гагарин своему командиру генерал-полковнику Каманину и вручил ему бортовой журнал космического корабля „Восток“.

Каманин с волнением прочитал записи первого космонавта. Сделал на журнале пометку: „12/IV 1961 — Гагарин“. И расписался.

Сейчас журнал Юрия Гагарина хранится в Калуге, в Музее истории космонавтики.

Е. Суслова

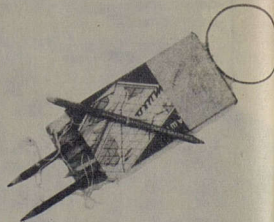
НАЧАЛО ДОРОГИ К ЗВЕЗДАМ

Звездный городок. Единственный в мире музей. Здесь все связано с космосом — и все неразрывно с Землей. Подвиги космонавтов были бы невозможны без труда десятков тысяч мастеров самых земных профессий.

При входе в музей вас встречает Юрий Алексеевич Гагарин. С его именем освоение космоса связано навсегда.

Первый космонавт был одет в специальный теплозащитный скафандр: опасались высоких температур в кабине. Позднее одежда космических экипажей стала гораздо более легкой.

Проволочное кольцо надевалось на руку, а карандаш свободно плавали вокруг. Нужен, к примеру, красный карандаш? Потяни за шнурок! Вот так и рисовал в невесомости космонавт-художник Алексей Леонов.

связанных с поступлением в техникум или институт, если кому-то просто надоело учиться? Такого человека я должен разочаровать: «легкой жизни» все равно не будет, и учиться придется, и экзамены сдавать, и над толстыми книжками сидеть, — иначе и строитель, и слесарь из тебя в конце концов получится никудышный.

Корреспондент «Кост-ра»:

Георгий Тимофеевич, вот мы все время говорим: космонавт... А что это за профессия такая — космонавт!

Береговой:

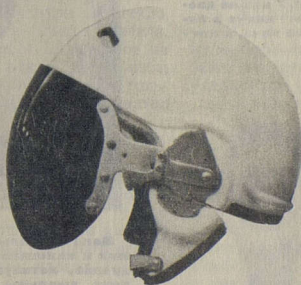
О том, что она редкая, необычная и, так сказать, знаменитая, все слышаны. А вот что она выросла из многих, порой самых обыденных и ничуть не знаменитых профессий и как бы вобрала их в себя, — об этом помнят не все.

Давайте вернемся лет на тридцать пять назад.

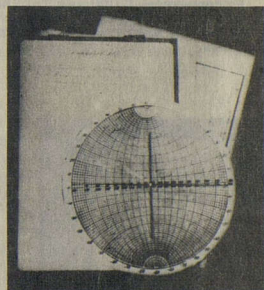
Еще когда я учился в четвертом классе, для меня примером был старший брат — летчик. Я бредил авиацией. Сначала мастерил огромные коробчатые змеи. Потом стал с утра до ночи пропадать в авиамodelьном кружке. Строить модели и не уметь столярничать невозможно — значит, приноврись к столярному делу. Затем настал черед моделей с резиновыми моторчиками. Тут уже пришлось выучиться слесарничать и приналеж на физику. После авиамodelизма — аэроклуб. Тогда нашей летной техникой были «кукурузники» — самолеты ПО-2. Нячили мы их с утра до вечера, чинили-перечинивали. То нагар с цилиндров снимали, то клапаны притирали. Посмотрите на мотогонщиков — как они вылизывают своих «лошадок». Ведь одно название остается от за-

водского двигателя — все подогнано, обточено, усовершенствовано своими руками. А автолюбители? Только тот настоящий автолюбитель, кто больше времени проводит под машиной, чем за рулем. Но такому человеку и машина отда-ет все.

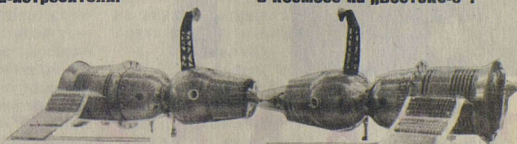
Знание техники, умение работать руками очень пригодились мне на фронте. Я командовал эскадрилей штурмовиков — «Илов». Штурмовка происходит на бредущем поле-те, снизу бьют по тебе из всех видов оружия. И самое страшное — если над расположением противника выйдет из строя мотор, откажет пушка. А перерывы между вылетами были очень короткими. Вот и требовал я от летчиков, чтобы помогали техникам, сами участвовали в ремонте материальной части. А раз требовал от подчиненных, значит, и сам за-сучивал рукава.

Летный шлем Юрия Гагарина — еще не космонавта, а летчика-истребителя.

Штурманский планшет Андрияна Николаева, побывавший в костюме на «Востоке-3».

Это макет. Но именно так выглядела первая стыковка космических кораблей системы «Союз».

После войны я работал летчиком-испытателем. Новая работа — новые заботы. Флаттеры, предельные режимы двигателей... Снова пришлось взяться за физику, заняться аэродинамикой. И все-таки знаний не хватало. Поступил учиться в Военно-воздушную академию. Нелегко приходилось: я был уже далеко не юношей.

Затем началась моя космо-

навская жизнь. И опять — пригодилось все, чему я научился раньше, и пришлось учиться многому.

Случается мне с комиссией ездить по авиационным частям, знакомиться с летчиками, отбирать кандидатов в космонавты. И задаем мы офицеру самые неожиданные порой вопросы. Покажет человек широкий кругозор, нестандартность мышле-

ния, интерес к миру, к людям, к технике — значит, наш.

В нашем отряде ему предстоит заниматься и ракетной техникой, и океанологией, и астрономией, и геологией... Поэтому что в космическом корабле нельзя пока что вместить ученых многих специальностей. И космонавт — по необходимости на все руки мастер.

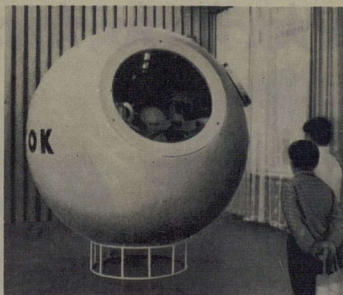
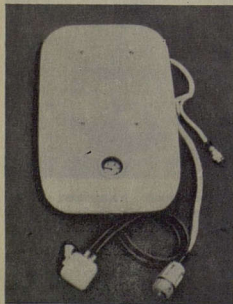
*Искренне теплою гиташелен
журнала "Космос"
трудолюбия, деятельности, скромности
надежды босни а театра
знаний предья всегда вам
сопутствуйт.*

Берегов

Этот прибор — ранцевую систему жизнеобеспечения — командир „Восхода-2“ Павел Беляев укрепил на спине своего товарища, Алексея Леонова, перед тем как тот вышел в открытый космос.

Рядом — часы Андрияна Николаева. У них не двенадцать делений, а двадцать четыре — иначе в полете можно спутать, когда на Земле ночь, а когда день.

Макет кабины корабля „Восток“. Подошел и иллюминатору и смотри. Видишь — кресло, катапульты, приборы? Все оделано умелыми рабочими руками. Каждый взлет космонавта — это как бы взлет мастерства и вдохновения многих и многих людей нашей земли.

Беседу с Героем Советского Союза генерал-майором Г. Т. БЕРЕГОВЫМ записал Л. Эфрос. В музее Звездного фотографировал Е. Синявер. Оформил «космические страницы» Г. Никеев.

ВРЕШЬ, НЕ ВОЗЬМЕШЬ

ПОВЕСТЬ

Михаил Мохов

Рисунки Т. Капустиной

Мороз может превратить в оружие обыкновенный чайник.

Пустить чайник в ход вызвался Дёма. Чай в доме у Телицыных пили из самовара, но был и чайник, литров на пять, коричневый, с закопченным дном. А раз вызвался Дёма, значит, вызвался и Васёк Матов.

Днем недолго, но густо валил снег. Словно опрокинули огромную лопату на крыши домов, навесы колодцев, улицы, огороды. К вечеру открылись звезды и мороз быстро набрал силу.

В одиннадцатом часу под окнами у Телицыных проскрипели шаги, — стукнули в стекло. Дёма осторожно выбрался из-под одеяла. Мать что-то сказала во сне, и Дёма замер на одной ноге, с валенком в руках. Дверь избы он открыл без скрипа, поджал вверх. Как только Дёма выбрался на крыльцо, мороз ухватил его за щеки. Студёно!

Васёк ждал, прислонясь к телефонному столбу.

— Воды налил?

— Там нальем, из колодца. Чего даром-то нести.

Двинулись по главной улице. Дёма катился колобком, Васёк вышагивал, загребая валенками. Улица шла вниз, потом вверх, с холма на холм.

Как-то, еще в пятом классе, Дёму вызвали рассказать про основание Рима. Историю Дёма любил. Он всегда увлекался, отвечая урок, глаза его, цвета ивового прутика, начинали блестеть, на смуглом лице выступал темный румянец. Дёма рассказал про древний Рим, про его кривые улочки и глинобитные домики, крытые соломой и черепицей, остановился, подумал и выпалил: «Наше Ярино тоже на семи холмах, я считал! Семь ровно». В классе засмеялись, зашевелились, стали вытягивать шеи к окнам, а Иван Афиногенович сказал: «Правильно, Телицын. Село Ярино, центр нашего района, стоит у реки на семи холмах.

Люди всегда любили селиться по холмам и рекам...»

Одоловая улицу, Дёма с Васёкой коротко переговаривались. Стужа связывала губы, мешала говорить.

— Может, не спит Шалаван? — беспокоился Васёк.

— Спит, — уверенно отвечал Дёма.

— Может, на танцах?

— Сегодня вторник, танцев нету, — Дёма старался говорить тихо, но его высокий дискант был слышен на всю улицу.

— А в гости?

— Он в гости не ходит. — Дёма покосился на маленький, будто игрушечный, домик в три окна, на другой стороне улицы. — Анька не увидала бы.

— У них света нет.

— Мало, что нет. Они, может, на кухне сидят. Анька все равно увидит.

Свернули в переулок. Васёк примолк, горбился, искося поглядывал на Дёму. У Дёмы замирало где-то в животе, но он виду не подавал, катился себе колобком.

Из маленького домика выскочила фигурка и засеменила вслед, держась поближе к домам и заборам. Девочка тоже свернула в переулок и, увидев, что ребята остановились у колодца, затаилась за толстым стволом тополя.

Дёма накручивал ручку ворота. Из черной ямы слышался звенящий плеск, капли падали на ледяную корку. Показалось ведро. Васёк подхватил его и вытащил на край сруба.

— Подставляй.

— Мимо льешь, полоротый! — зашипел Дёма. — Рукавицу облил. Мороз веда!

— Как каменная будет. Дратесь ловче. Гляди, хватит лить?

Мальчишки склонились над чайником. Иней белел у них на бровях и ресницах, над губой и по краю опущенных наушников.

— Есть. Полный.

Васька выплеснул остатки воды из ведра, словно стеганул по снегу длинным кнутом.

Прошли два дома и остановились. Одиноким фонарь освещал фасады домов. За забором темнел дом Шалавана.

Тимоха Быков, по прозвищу Шалаван, был упорным и грозным врагом яринских мальчишек. По годам ему пора было призываться в армию, но вышла отсрочка: мать тяжело болела, и, кроме Шалавана, присмотреть за ней было некому. Отец давно умер, Шалаван жил в доме хозяином и делал, что душе угодно.

Постояли, прислушались. Все было тихо, только изредка по переулку разносился глухой удар, будто обухом топора по дереву. Это трещали, принимая на себя мороз, срубы домов.

Дёма ткнул Ваську в бок: пора, мол. Васька вдруг замаялся, затоптался на месте. Дёма сердито оттолкнул его, свободной рукой нащупал вертлюжок и повернул. Калитка беззвучно отворилась.

Узкий мощный проход, стиснутый двумя изгородями, вел к крыльцу. Снег был аккуратно сметен с мостков. Безжалостно светил фонарь из переулка. Замирало в животе, по спине ползли мурашки, в каждом темном окне мерещились Шалаван — широкое лицо, заплывшие глазки. Очень даже просто пальнет солью через форточку.

На крыльце Васька осмелел, потянулся к чайнику, зашептал:

— Дай, я.

Дёма не ответил. Он уже нацелил носик чайника. Тонкая струйка перекинулась к дверной щели. Вода замерзала мгновенно. Дёма не спешил вел струйкой сверху вниз, и ледяной шов намертво соединял дверь с косяком.

Шалаван спит. Можно сбежать за водой к колодцу и приморозить дверь на огород. И дверь на повесть. Тогда Шалавану будет и вовсе не выйти из дому. Не станет же он рубить двери топором. И паяльная лампой не станет оттаивать, побойтся дом сжечь. Придется ему выставлять зимнюю раму и выбираться наружу через окно. Дёма даже причмокнул, представив себе эту картину: красный от злости, в пыли и паутине, Шалаван лезет в раскрытое на мороз окно, проклиная все на свете.

— Бежи! — оцарапал Дёма хриплый Васькин крик. Загремела, покатилась по крыльцу крышка от чайника, поднимать было некогда. Громадная, с медведя, фигура ломилась через огород, по глубокому снегу, наперерез ребятам. Шалаван! Тащит что-то. Дёма кинулся вслед за Васькой. Поздно! Васька пулей вылетел в калитку, а из боковой дверцы вывернулся Шалаван и загородил проход.

Дёма шархнулся назад, к крыльцу. Дверь замурована. Ни хода, ни лазейки.

Шалаван держит большое эмалированное ведро. Видать, полное. Снял крышку, перевернул, бережно положил на снег.

Что он хочет делать?

Дёма, пригнувшись, как вратарь в воротах, ждал. Еще шаг ступил Шалаван. Еще..

Дёма рванулся вперед и вправо. Огнем полыхнуло в лицо. Потекли на грудь, за шиворот раскаленные струи. Залепило глаза. Дёма, ослепший, с разбега растянулся на мостках, выпустив из рук чайник.

— Двери примораживать? — Шалаван наклонился к Дёме: — Хошь еще водички?

Дёма вскопчил. Пальцами разлепляя веки, добежал до калитки. Споткнулся, сильно ударился головой и опустился в снег возле забора.

Шалаван догонять не стал. Он запер калитку и выглянул наружу.

— У, сулема... Ништо, не помрешь. Будешь знать, как ко мне соваться. Я и ночью все вижу.

Шаги проскрипели по мосткам и стихли.

Дёма непослушными руками отдирает от лица ледышки. Потом сунул руки за пазуху, и они сразу заныли. Все плыло перед глазами. Васька уже, небось, со страху до самого дома добежал. Тоже друг, чудо лупоглазое.

Гудела, кружилась голова. Встать бы... Сидеть на морозе нельзя. Дёмин прадедущка заблудился в метель, присел отдохнуть и замерз до смерти.

Глбоса, чтобы крикнуть, у Дёмы не стало вовсе. Пальто взялось ледяной коростой. Кругом ни души, до утра никто не пройдет по переулку.

В окнах у Шалавана зажегся свет. Полоса света легла на снег совсем близко от Дёмы. Потом свет погас.

И снова — на весь переулок — мороз ударил обухом в бревно сруба.

Кто-то тяжелый навалился на Дёму, накрыл с головой и вдруг запел в самое ухо тоненьким жалобным голоском. Тянет, тянет, сделает завитушку и снова тянет. Дёма рванулся, сбросил с себя тяжесть и вдруг понял: это он одеяло сбросил, а жалобную песенку поет самовар.

Глухой, как сквозь тряпку, голос проговорил:

— Лежи. Не прыгай.

Дёма открыл глаза.

На него смотрел седой человек с длинным носом и приплюснутыми веками. Глаза цвета разбавленной синьки, как у многих яринцев. Дёма помигал, понял, что человек ему не снится, и сказал почтительно:

— Здравствуйте, Федор Иванович.

За большим столом, покрытым старой клеенкой, в самом деле сидел Федор Иванович Крапивин, бывший учитель, хорошо известный в Ярине человек. Перед ним были разложены бумаги. В окнах избы серели сумерки — не то светало, не то вечерело.

— Здравствуй, — ответил Федор Иванович. — Можешь не волноваться, я был у твоих. — Он говорил коротко, с остановками. — Не тошнит тебя? Голова не болит?

— Не.

— Значит, нет сотрясения. Утром домой побежишь.

— Я сейчас могу.

— Сейчас будешь есть суп. Мать послала.

Если мать послала поесть, то, может, дело не так худо. Дёма приободрился.

Вот, значит, как он живет, Федор Иванович.

Изба — без перегородок, от этого она кажется просторной. Стены не оклеены, не оштукатурены, — голые темные бревна. Мебель тоже темная, старинная, — стол, шкафы, лавки. Только печь белая. Тепло в избе, чисто. Пахнет сушеной травой.

Федор Иванович еще не стар, но доктора запригостили ему учить в школе: он перетрудил горло, оттого и говорит глухо, как в тряпку. Жену он похоронил, дети выросли и разъехались. Федор Иванович живет один.

Говорят, Федор Иванович уже много лет составляет книгу про яринский край. В этой книге описаны все деревни, и каждый житель, и вся яринская старина, и все нужное для жизни: как строить вечные дома, искать подземные родники для колодезь, усмирять сорвавшегося с цепи быка, отваживать волков и змей, ловить самую крупную рыбу, собирать целебные травы. Васька Матов говорил даже, что в книге написано, кто сколько лет проживет, — но тут уж ребята подняли его на смех.

Что-то мешало Дёму, оттягивало кожу на лбу. Он тронул лоб рукой и про себя ахнул от боли. Ну и фонарь наставил! Сразу стало вспоминаться, посыпалось, как из мешка: чайник остался у Шалавана, школу прогулял, что будет дома — неизвестно...

— Чего ерзаешь? Проголодался? — спросил Федор Иванович. — Сейчас придет твоя спасительница. Мигом наладит пообедать.

— Кто придет? — встревожился Дёма.

— Одноклассница твоя. Славная девочка. Набежала вся в слезах. Я домой шел. — Федор Иванович помолчал. — Если бы не она, тебя нашли бы... утром. А ночью было сорок градусов.

— Оля! — догадался Дёма и просиял. — Тот я думаю... Вы меня в переулке подобрали?

— Да. Кстати, и приятель твой подоспел. Помог нести.

Дёма поскучнел лицом.

— Васька... С ним у нас все теперь. Может не приходите.

— Тут еще один мальчик вертелся под окнами. Я вышел. Хотел позвать его. Но он убежал.

— Какой он с лица? — насторожился Дёма. — Кругленький? Когда улыбается, губы вот так делает? Да?

— Похоже.

— Сметанник, — фыркнул Дёма. — Шалаван подослал.

— Прозвище такое?

— Ну. Сашка это, из нашего класса, из седьмого «а». Он у матери один сын. Когда маленький был, мать ему все: «Сашенька, Сашенька». А он ей: «Не дашь сметаны, выбегу на улицу, закричу — горим». Вот его и прозвали Сметанником. Он все время у Шалавана торчит.

Дёма вдруг что-то вспомнил, сел на койке.

— Федор Иванович! Сколько времени прошло? Я давно тут?

— Ночь да день.

Дёма откинулся на подушку. Всего одна ночь. А ему показалось, что он пролежал без сознания очень долго. Может, неделю. Или две.

Стукнула входная дверь, заскрипели половицы в сенях, и в избу ввалилось морозное облако — девчонка с охапкой дров, в платке поверх фуфайки. Девчонка сложила дрова к печи, отошла в угол, к умывальнику желтой меди, и сняла платок, открыв волосы точно такого цвета, как умывальник. Дёма вытаращил глаза.

Анька Мотовилова! Первая в классе ябеда и сплетница! Мимо ее маленького, словно игрушечного домика Дёма всегда старался пройти побыстрее. Она-то как сюда попала?

Анька усталилась на Дёму и вдруг улыбнулась какой-то особенной сострадающей улыбкой. Прежде такой улыбки Дёма у нее не замечал. Так улыбаются в кинофильмах медицинских сестры раненым бойцам. Анька сказала мягким, тоже особенным голосом:

— Здравствуй, Телицын. Как ты себя чувствуешь?

Будь они на улице или хотя бы в классе, Дёма показал бы Аньке, как он себя чувствует. Но как раз в это время Федор Иванович взглянул на Дёму, и Дёма против воли выговорил:

— Хорошо... Спасибо.

Анька в ответ наградила Дёму новой улыбкой, почти прежней. Дёма зажмурился. Этого еще не хватало! Да лучше сто раз замерзнуть, чем такая спасительница. Чего доброго, дружить полезет. Пускай не надеется.

Тем временем Анька пристроила на постель фанерку и поставила перед Дёмой миску вкусно пахнущего варева. При этом она сказала задумчиво:

— Кушай, Телицын.

Дёма принялся хлебать и с удовольствием зацепил ложкой большой кусок мяса. Ай да мамка!

После супа Анька принесла стакан крепкого чая, сахарницу с отбитой ручкой и тарелку моченой морошки. Федор Иванович, не отрываясь от бумажки, проговорил:

— Пей, Еремей, не болотна вода.

Дёме стало жарко, он вспотел от еды. Так бы вскочил и побежал куда-нибудь. Анька вымыла посуду и уселась на лавку. В руках у нее замесились спичи. Они равномерно поблескивали. Анькины губы шевелились, она считала петли.

— Расскажи-ка, за что вы Быкову дверь приморозили, — не глядя на Дёму, поинтересовался Федор Иванович.

— Шалавану-то? — Дёма вскинулся так, что чуть не упал с койки. — Он же, как фашист!

— Что он тебе сделал?

— Да он всем ребятам вредит! Поймает где-нибудь и снегом накормит или шапку закинет. А то заставит песни петь. Заберет руку в свою клешню проклятую — и жмет! Пой, мол! Знаете, как больно?

— У Быкова мать больная. И сам он, говорят, парень работающий.

— Работа-аший, — скосил рот Дёма. — Работающий, если рублем пахнет. Вон какие парники нагородил около дома — под пленочкой! У него раньше всех огурцы поспевают, крупные. Наберет с полведра — и на станцию, к поезду. В вагоне-ресторане огурцы всегда купят... Он нам, Федор Иванович, крепость нарушил. Мы на острове крепость из снега построили, а Шалаван пришел и всю раскидал. Петя Мышов видел, ругал его и снежками бросал. На лыжах был Петя, думал — убежит в случае чего. Нет, не убежал. Шалаван его догнал, прямо по снегу, и обе лыжи сломал. Вот эдак, об колено — хрясь, хрясь! Мы не за себя ему дверь морозили, за всех ребят, вы не думайте... А теперь он еще чище штуку выдумал... — и, спохватившись, Дёма закрыл рот на полуслове.

— Какую штуку?

— Да так. Может, еще и врут.

И Дёма, закутавшись в одеяло, отвернулся к стене. Долго, однако, улежать он не смог.

— Вы чего пишете?

— Женщины жалуются. Свет нужен у прорубей. Надо им домочь, — глухой скороговоркой ответил Федор Иванович.

Дёма помолчал, соображая.

— Вы разве начальник?

— Нет, я в газете работаю.

— В районной? В «Заре»?

— Да. Ты читаешь «Зарю»?

— Читаю, — сказал Дёма не очень уверенно. В районной газете он иногда смотрел картинки. — А как вы помогаете? Вы же не монтер. Тут монтер нужен.

— Мы это письмо напечатаем в газете, — объяснил Федор Иванович. — Тот начальник, от которого зависит провести свет, прочтет. Будет волокита — напомним, пристыдим.

— А если не прочтет?

— Прочтет. Нас весь район читает.

— И свет проведут?

— Конечно.

Дёма задумался.

Сколько раз мать брала его с собой на реку! Санки с двумя тяжеленными корзинами — отдельно белое, отдельно цветное — норовили опрокинуться на крутом спуске. Проруби забивало снегом, дул студеный ветер. Керосиновый фонарь, который держал Дёма, слабо освещал руки матери, полоскавшие бельё в ледяной воде. Того гляди, унесет под лед рубашку или наволочку. В темноте и не заметишь.

С лампочкой-то — совсем бы другое дело. Да еще поставить будку над прорубью. Ни снега, ни ветра. Светло, затишно, — знай, по-лочи.

Но при чем тут газета?

— Чай у вас вкусный, — похвалил Дёма, желая сказать что-нибудь приятное. — Вы откуда берете воду?

— Из родника, на Подоле.

— Далеко!

— Ничего. Я туда каждое утро хожу. Другой раз и вечером. Физкультура.

— А трудно работать в газете?

— Не так трудно, как работников не хватает. Беготни много.

Анька быстрее зашевелила спичами.

— Шестнадцать, семнадцать, — это она вслух считала петли, — восемнадцать. Если куда сбегают, Федор Иванович, то наши мальчишки могут. Все равно зря носятся.

— Как это зря? — мрачно спросил Дёма.

— Шесть, семь, восемь, — вполголоса сказала Анька. — А вот так! Надо к «огоньку» готовиться, а они бегают по школе, кричат какую-то глупость: «Не указ под левый глаз! Не указ под левый глаз!»

Анька неожиданно вздохнула и закончила:

— Я про тебя не говорю, Телицын.

Дёма чуть не крикнул с досады, потому что бегал и кричал именно он. И верно — глупо. И слова глупые. А почему-то бегаешь и кричишь...

Но с чего это Анька выгораживает его перед Федором Ивановичем? Да еще вздыхает, как королева. Повалилась вздыхать.

Дёма сказал неторопливо, основательно:

— Вы скажите, чего надо. Сделаем. Седьмой «а» класс. Как подниметесь на второй этаж, сразу направо.

Федор Иванович поднял глаза от бумаг и довольно долго глядел на темное гладкое бревно сруба, в котором не было решительно ничего интересного. Потом очень спокойно сказал:

— Я в школу не хожу.

Дёма и Анька растерянно переглянулись. Они слышали от взрослых, что лучшего учителя, чем Федор Иванович, в Ярине не было, что он родился учителем. Но в школе они не видели его ни разу.

В оюешь с Шалаваном—держи ухо востро. Не задумывайся посреди улицы. А Дёма как раз задумался.

Он поднимался на крыльцо районного универмага и думал о том, что у всех яринских магазинов появились названия. Булочная называется «Колос», книжный магазин — «Книга». Это понятно. А вот почему универмаг называется «Березка», совсем непонятно. Или вот магазин «Волна». Продают в этой самой «Волне» топоры, хомуты, ведра, гвозди и всякий другой хозяйственный товар.

Сильный толчок — и Дёма, взмахнув руками, полетел с высокого крыльца в сугроб. Выбрался из сугроба и увидел спину Шалавана. Вот проклятый!

Пока Дёма подбирал слова пообиднее, Шалаван уже свернул по мосткам направо, и его заслонил стенд с фотографиями передовых яринцев. Дёма отряхнул с себя снег, взбежал по ступенькам и толкнул дверь универмага.

Бросилось в глаза голубое, мохнатое: islandские свитеры. Пушистые, воздушные, словно облака, занесенные дальними ветрами

в яринский универмаг. Дёма полюбовался на них, а заодно заметил черную куртку, отделанную коричневой кожей, — у многих ребят такие куртки. В другом отделе приметил ящик на полозьях для подледного лова рыбы: и сидеть можно, и улов складывать. Нужно сказать отцу.

Продавщица этого отдела еще издали кивала Дёме. Она была маленькая, худенькая. Трудно было поверить, что это мать Сашки Сметанника, румяного и круглолицего.

— Здравсте, тетя Катя.

— Здравствуй, Дёмушка, — торопливо и беспокойно ответила тетя Катя, и вдруг Дёма увидел под самым своим носом две плоских батарейки для карманного фонарика. Минуту назад их не было на прилавке. Их вообще давно не было видно. Вот удача!

— Плати в кассу тридцать четыре копейки. Я себе оставила, да уж ладно, отдам.

Когда Дёма слетал за чеком, тетя Катя сказала тихой скороговоркой:

— Хотя бы вы Сашку моего к рукам прибрали. Шатается, как непутный. Теперь с Тимохой связался...

Руки ее тем временем торопливо упаковали и подвинули к Дёме покупке.

Дёма вышел на крыльцо. Темнело, зажигались огни. На крыльце топтался Сметанник. Сговорились они с матерью, что ли?

— Слышь, Дёмка! Возьми медвежат смотри.

Пронюхал все-таки! Дёма собирался на лыжах с ребятами в Арефьев Починок — за тридевять земель, в самый конец района. Там на бульдозер напала медведица, и бульдозерист задавил ее машиной, а медвежат взял на воспитание. В «Заре» была заметка. И снимок тоже был, только мутный, ничего не разобрать.

Дёма не сразу ответил, и Сметанник ободрился, схватил за рукав.

— Слышь, я чего знаю...

— Пусты давай.

— К Шалавану Федор Иванович приходил.

Дёма приостановился.

— Из «Сельхозтехники» приходили парни, капитан из военкомата. Шалаван потом орал, что Федор Иванович ему житья не дает. Пускай, мол, попадется в темном переулке, Федор-то Иванович.

— Дурак твой Шалаван, — с презрением сказал Дёма, хотя слова о темном переулке сильно его задел.

— Шалаван сейчас у родника. Туда Федор Ивановичу за водой придет. Он его будет ждать... Ты что, Дёмка?

Лицо Дёмы на миг застыло, сделалось неподвижным. Потом он сунул Сметанику пакетик с батарейками, прыгнул с крыльца и что есть духу помчался по мосткам.

Полскакивая, неслись навстречу заборы, дома, ларьки, переулки. Далеко впереди свети-

лись огнями два новых дома по двенадцати квартир. За домами обрыв, крутой спуск к роднику. Сотня ступенек. Оступишься, загремишь вниз — костей не соберешь. А Федор Иванович — человек пожилой... В Ярине не говорят «старый».

Дёма выскочил на край обрыва. Так и есть! Медленно поднимается по ступенькам, словно ползет вверх по стене, человек с двумя ведрами. А наверху, над самым спуском темнеет, дожидается медвежья фигура Шалавана.

Потом скажет — я не толкал, я нечаянно...

Ноги из последних сил понесли Дёму вдоль обрыва. Он выбежал на площадку перед новыми домами. Светло. Шалавана не видно. Дёма наклонился над спуском и заглянул вниз.

Там, в полутьме, боком, по одной ступеньке, Шалаван спускался навстречу Федору Ивановичу.

Крикнуть? Позвать людей? Поздно...

Двое внизу встретились. Шалаван протянул руку, что-то пробубнил. Дёма споткнулся и сел, чтобы не скатиться кубарем с обрыва. Ноги потеряли опору, Дёму потянуло вниз. Подпрыгивая на обледеневших ступеньках, он ехал на Шалавана.

Тот поднимался навстречу. В руках у него было по ведру...

Шалаван заметил опасность. Наклонился вперед, отвел ведра в стороны, выставил ногу в валенке. С раската Дёма налетел на эту ненавистную, но спасительную ногу и остановился.

Голос Федора Ивановича встревоженно спросил:

— Кто это? Дёма, ты? Что случилось?

— По... поскользнулся, — с трудом проговорил Дёма. Он поднялся и молча полез вверх по ступенькам. За ним двинулся Шалаван с ведрами. За Шалаваном — Федор Иванович.

Наверху Шалаван поставил ведра на снег. На Дёму он не глядел. Федор Иванович отдышался и сказал:

— Погуляй, Дёма. У нас тут разговор есть.

Дёма не шевельнулся. Федор Иванович взял его за плечи и повернул лицом к освещенным окнам. В глазах у Дёмы стояли слезы. Федор Иванович кашлянул.

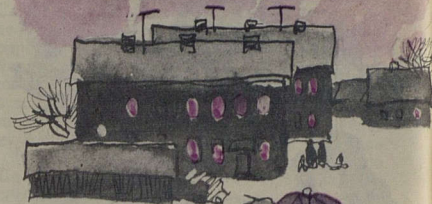
— Подожди тут.

Они с Шалаваном медленно пошли в сторону дороги. Говорил Федор Иванович, Шалаван изредка что-то бурчал в ответ.

Дёма ждал возле ведер. Воды Федор Иванович набирает немного, чуть больше, полведра. Потому и не выплеснулась вода, когда Дёма налетел на Шалаванову ногу.

Заскрипели шаги. Федор Иванович возвращался.

— Так, Дёма, так. — Он помолчал, что-то обдумывая. — Ты можешь через сорок минут прийти в редакцию?

— На что?

— Приходи.

Федор Иванович наклонился к Дёминому уху, сказал шепотом:

— Спасибо, что меня охранял.

И Дёма почувствовал себя на седьмом небе.

...Когда через сорок минут Федор Иванович подошел к дому редакции, в темноте на ступеньках сидело не меньше десятка ребят.

— Здравствуй, Федор Иванович, — невольно проговорил Дёма и добавил с досадой: — Я их гоно, а они не уходят.

Федор Иванович поднялся на крыльцо, на-

шарил ключ над косяком. Его шаги гулко раз-
дались в пустом домике. Три ровных светлых
квадрата упали на снег.

— Заходите. Двери закрывайте, натоплено.
Только расселись по стульям, погас свет.
Кто-то хмыкнул.

— Во всем Ярине погасло, — сказали от
окна.

Было слышно, как Федор Иванович встал,
как звякнули латунные кольца, когда он ото-
двинул занавеску. За окном была полная, глу-
бокая тьма.

— Темно, — пожаловался недовольный го-
лос.

— Страшно? — спросил Федор Иванович.

— Немного.

— А ты не бойся, — серьезно посоветовал

Федор Иванович. — Кругом ведь люди. Тут,
в комнате, сидим мы. Через огород — типогра-
фия, там наши печатницы Зина и Галя. У них
машины остановились, вот они и ждут, когда
дадут ток. И в Заболотье люди, и в Заручье,
и на Подоле. Чего ж тут бояться?

— Да не, я так, — успокоил голос.

— Когда не знаешь, что происходит, всякое
в голову лезет, — согласился Федор Ивано-
вич. — А свет выключили, потому что готовят
к запуску новый дизель. Великолепная машина.
Привезли из Германской Демократической
Республики. Вот запустят — и не будет в Яри-
не перебоев с энергией. А там и линию высо-
кого напряжения до нас дотянут... Это все
важные дела. И есть самое важное, общее де-
ло. Ну-ка, скажите, какое?

— Пятилетка! — догадались у окна.

— Мы за мир.

— Эс-эс-эс-эр.

Федор Иванович подождал, пока станет тихо, и сказал всего одно слово:

— Революция.

Дёма почувствовал, что Федор Иванович волнуется: кашлянул по-особому и пальцами барабанил по столу. В комнате потихоньку шептались.

— С фонариком кто-то идет, — доложили от окна. — Сюда повернул.

— Пусть идет, — отозвался Федор Иванович. — Я знаю, кто это.

— А почему — революция? — спросили из угла. — Она ведь давно была. Сперва революция, потом гражданская война. Мы проходили.

— Вспомните, — сказал Федор Иванович. — Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...

Из углов заговорили наперебой:

— Мы наш...

— Мы наш, мы новый мир построим...

— Кто был ничем, тот станет всем!

— Вот-вот, — подхватил Федор Иванович. — Сперва разрушим, потому что надо разрушить, мешают. Потом построим, для того и разрушили, чтобы построить лучше. А вот как построим — это уж зависит от нас.

— От меня-то что зависит? — почти выкрикнул Дёма.

Что-то из ребят поменьше хихикнул, и слышно было, как ему отвесили тумак.

Хлопнула входная дверь, раздались быстрые шаги. Фонарик бегло осветил комнату, свободный стул. Человек погасил фонарик и сел. Федор Иванович спросил его вполголоса:

— Не торопишься? Мы недолго.

— Федор Иванович, — заговорил Дёма. — Ну, я понимаю: космонавты. Или КамАЗ, миллион автомашин в год. Это — да, революция. А у нас в районе что? Колхозов штук десять да леспромхоз.

— Верно. Район — маленький, а страна — машина. Но состоит эта машина из таких же районов, как наш. Как человек — из клеток.

Федор Иванович помолчал.

— Рук у нас в газете не хватает. Вот мы и подумали: может быть, вы нам поможете. Для начала — помаленьку. Пока помогаете, будете присматриваться к жизни, разбираться что к чему.

— Трудно все-то понять, — засомневался недовольный голос. — Голова заболит думать.

— Трудно, — подтвердил Федор Иванович. — А еще труднее быть настойчивым. Сказать все-му, что тебе мешает: «Врешь, не возьмешь!»

— Это в кино было, в «Чапаеве», я смотрел, — вспомнил Дёма.

— Чапаева убили, — сказал недовольный голос.

— А победили его? — спросил Федор Иванович.

— Не.

Федор Иванович кашлянул.

— Так. Сейчас мы возьмем фонарик. Посветим на одного человека. Он будет мне помогать по вашей части. Если заболел или уеду надолго, он — ваш руководитель.

Ребята засопели от любопытства. Но светить фонариком не пришлось.

Вспыхнул свет.

Сперва все зажмурились, заулыбались, — ловко вышло, как по заказу. Потом сразу несколько голосов сказали недоверчиво и удивленно:

— Лентя!

И в комнате зашумело, загомонило:

— Лопаткин!

— Леш!

— На! А я думаю, кто такой...

Дёма тоже кричал вместе с другими. Это с Леней-то Лопаткиным знакомиться? Да он живет за четыре дома. В прошлом году школу окончил. Его все знают, лыжник что надо, второе место в районе. Иной раз заменял на уроках учителя физкультуры, когда тот болел. Сидит себе, улыбается, как солнышко. Волосы белые, шапкой. Скулы под самые глаза. А какие глаза? — Не разберешь: серые или синие? Румянец во всю щеку. Побегай-ка на лыжах по двадцать километров каждый день!

Федор Иванович сказал:

— Вижу, знакомы. Ну как, Лентя? С чего начнете? Ты на меня не смотри, сам решай.

Лентя оглядел ребят.

— Лыжи, ботинки у всех есть?

Ребята запереглядывались. Толкали друг друга локтями.

Федор Иванович что-то вполголоса сказал Лене, и тот легко соскочил со стула.

— Айда на улицу.

Чинно попрощались с Федором Ивановичем. Посыпались с крыльца. Лентя остановился, хотел что-то сказать, но на него с диким воплем налетел Дёма. Обхватил за шею и повис.

— Вали его, парни!

Лентя стоял, как яблона, увешанная яблоками. Покачиваясь, сделал несколько шагов, — компания заухла, загототала, — встряхнулся, и ребята попадали в снег. Лентя сложил компанию штабелем и уселся сверху — передохнуть. Время от времени он подпрыгивал сидя, — уминал штабель плотнее. Компания пыхтела и стонала от смеха, давки и удовольствия.

Вот это руководитель!

Утрами, по дороге в школу, все было как прежде: дым из труб, казавшиеся белыми в ранних сумерках, заснеженные огороды, редкие прохожие. Но теперь с самого утра начинались новые заботы.

Это они столкнули Дёму с Сергеем Степановичем Прибытковым.

Сергей Степановича, грузного человека с густыми рыжими бровями, Дёма знал в лицо не первый год. Он был каким-то начальником, ведал и районной баней, и колодцами, и мостками, и даже электростанцией.

Ровно в половине девятого Сергей Степанович вышел со двора, запер за собой калитку и стал подниматься вверх по улице,— плотный, чисто выбритый, в такой же точно пыжиковой шапке с козырьком, какую носит председатель райисполкома. Путь был много раз хоженный, дышалось легко. Только что прошла оттепель,— словно туго затянутый ремень отпустили,— и ударил легкий морозец. Правда, портила настроение неприятная бумажонка в кармане пиджака. Районная газета от имени читателей запрашивала, когда будет песок на улицах Ярина: сколько, гололед.

Когда надо, тогда и будет! Дай он теперь команду — люди скажут, что Прибытков испугался газеты. А Прибыткова не испугаешь. У Прибыткова авторитет. Прибытков запустил новый дизель,— сложный, дорогой, импортный. Не сам, конечно, запустил. Нужно уметь руководить.

Через денек-другой он даст указание. Рабочая сила зимой в избытке, деньги есть. Будет и песок на улицах.

Идти было как-то особенно удобно. Сергей Степанович глянул себе под ноги — и на минуту остолбенел.

Ровная желтая дорожка из свеженасыпанного песка лежала у него под ногами. Она начиналась у калитки дома Сергея Степановича, тянулась вдоль забора и сворачивала за угол. Светало, и желтый песочек был уже хорошо виден.

Сергей Степанович зашагал быстрее. Добрался до одного поворота, другого. Дорожка была тут как тут. Куда он, туда и она. Тот, кто ее насыпал, хорошо знал, каким путем ходит в контору Сергей Степанович.

Сергей Степанович незаметно огляделся. Нет, пока что никто не замечал его позора. Холмы превратились в ледяные горы, прохожие скользили, падали, вставали. Старушка ожидала попутчика, чтобы подняться вверх по переулку. Один Сергей Степанович шел по желтому коврику.

Приближаясь к конторе, Сергей Степанович розовел все гуще. Глупая шутка могла облететь все село, могла дойти до райисполкома...

У двери конторы Сергея Степановича ждал Дёма. Он протянул листок бумаги.

— Вам записка.

Читать в записке было почти нечего. «Степанович! Как насчет песка? Есть несчастные случаи. Ф. Крапивин». Сергей Степанович сунул листок в карман и хотел пройти мимо, но что-то его удержало.

Он мельком оглядел полузнакомаго мальчугана.

— Ты кем приходишься Федору Ивановичу?

— Никем, — удивился Дёма.

— Помощник, значит.

— Ну.

В последние дни этот мальчуган часто попадался Сергею Степановичу на дороге из конторы. Черный полубубок с серыми меховыми отворотами... Краем глаза Сергей Степанович увидел, что поодаль, у старого колодца, мальчуган ждут приятели. Шушукуются. Сергей Степанович придвинулся к Дёме.

— Это ты... сыпал песок?

С годами, по мере того как рос авторитет Сергея Степановича, он держался все солиднее и говорил все тише. И сейчас он спросил так тихо, что Дёма невольно вытянул шею. На лице Дёмы промелькнуло что-то похожее на улыбку, и Сергей Степанович зарокотал, как дальняя гроза:

— Этому вас в школе учат? Надсмехаться? Если, как говорится, поймаю...

Дёма весь подобрелся.

— Мы не худое что сделали. Посыпали пес-

ку, чтобы вам не упасть,— и дерзко добавил:— А то можно руку сломать. Или ногу.

— Ступай,— с трудом сдерживая себя, приказал Сергей Степанович.

— Федору Ивановичу ответ нужен.

— Я позвоню по телефону,— Сергей Степанович повернулся спиной к Дёме и стал медленно подниматься на крыльцо конторы.

поверх голов, заговорил нечеловеческим голосом вызванный к доске ученик. Как известно, у каждого школьника — два голоса. Один нормальный, для разговора с приятелями, другой нечеловеческий, занудный, для ответов у доски.

Дёма плюхнулся на парту и уткнулся в учебник.

Дёма поглядел ему вслед, хмыкнул не без удовольствия и побежал к старому колодцу, где его ждали Вася и всегда молчаливый Коля Агафонов.

Они едва успели в школу. Уже висела в коридорах плотная завеса звонка. Потом в двадцати классных комнатах двадцать учителей сказали, каждый по-своему:

— Начнем урок.

И вот уже, сцепив за спиной пальцы и глядя

Сейчас же крепенькой горячей рукой его взяла за шею, другая рука сильно потерла щеку платком. Соседка сказала шепотом: — Чисто теперь.

Никто в классе и бровью не повел. Ни одна пара глаз не задержалась на парте Дёмы Телицына и Оли Егоровой.

Тут немало значила Анька Мотовилова. Как-то на свободном уроке Толька Ергин проехался было насчет Дёминой парты. Тогда Анька проговорила нарочно громко, с презрением:

— Да? А кто вчера за поленицей целовался? Может, не ты, Ергин?

Но в конце концов дело было не в Аньке.

Оля Егорова была девочка сильная и широкая в кости, с большими глазами и короткими пушистыми косами. Держалась скромно, но место в седьмом «а» классе у нее было особое.

Оля никогда не делала домашних заданий. Ей это разreshалось. Олина мать часто болела, и хозяйство держалось на Оле. Однако учителя с удивлением говорили, что Егорова твердо знает всю пройденную программу, за все классы. Память у нее была необыкновенная. Ее и спрашивали у доски по-особому. Два-три вопроса, и Оля потихоньку возвращалась за парту, с очередной пятеркой. И никому не приходило в голову ей завидовать.

Олина мать, пока ее не скрутила болезнь, была знаменитой в районе плясуней. Славилась ее перепляс с платочком. Понимающие люди говорили, что Оля пойдет дальше матери. Правда, она еще ни разу не плясала на сцене, а только дома, по большим праздникам. Но однажды Дёма застал ее перед зеркалом. Оля стояла, задумавшись, покусывая маленький белый платочек...

На большой перемене Дёма сбегал в буфет и принес бутерброд с «жареным молоком». Эти бутерброды шли в Яринской школе нарасхват. В ведро с водой буфетчица опускала банки сгущенного молока. Ведро ставилось на плиту. Вода кипела, молоко в банках становилось желтым, потом коричневым, вроде сливочной тянучки. А потом его попросту намазывали на хлеб.

Стоя у печки седьмого «а», Дёма и Оля по очереди откусывали от бутерброда, и Дёма про себя удивлялся на Олю: хлеб кусает, — и то выходит как-то красиво. Не то что у Васьки. Тот хоть килограмм хлеба съест, и никакой красоты, одна еда.

Тем временем у печки собралась Дёмина компания.

Последним подошел Васька. Дёма повернулся к нему.

— Часы целы?

Васька полез в карман, достал карманные часы на цепочке. Вокруг него сгрудились.

— На! Откуда такие?

— С крышечками.

— Васька, твои?

— Дай поддержать-то!

— Тихо, не трожьте, — сказал Дёма. — Это Федора Ивановича часы. Он нам дал для дела одного.

Дело было простое. В четвертом магазине, самом маленьком в Ярине, всего одна продавщица. Магазин — в роше, на отшибе, продавщица открывала его, когда хотела. Утром люди подолгу ждали, когда она появится. Кто-то написал в газету. Федор Иванович позвонил продавщице. Та ответила, что открывает вовремя. Вот Федор Иванович и поручил ребятам проверить, так ли это.

— Целую неделю дежурили, — с тайной гордостью заговорил Васька. — Вот с ним. — Васька локтем указал на Колю Агафонову. — Пост был в роше. Как она придет, замочек сымет, так мы и пишем в тетрадку, сколько времени.

Коля по привычке молчал и улыбался. А мог бы порассказать, как Васька подбивал его на пустяки — то построить в роше шалаш и оттуда пугать продавщицу страшными криками, то обстрелять ее снежками. Если Васька пытался переходить от слов к делу, Коля попросту сгребал его в охапку и держал, пока не выбьется из сил и не запыхается.

Тут удивила всех Оля.

— Как шпионы, — сказала она чужим голосом.

— Чего? — изумился Дёма.

— Вы, как шпионы, — повторила Оля. — Ходите и высматриваете всё.

Дёма усмехнулся.

— Ты Ваську спроси, как ему влетело. Он Федору Ивановичу тоже вот так сказал, что может всё высмотреть. Ох и влетело!

Васька стоял недовольный, опустил глаза. Дёма, усмекаясь, оглядел компанию.

— Федор-то Иванович ему говорит: «У нас, видно, Вася главный контролер. К магазину я вас посылаю не подглядывать, там очередь стоит, никаких секретов нету. А если вы вообще любите подглядывать да высматривать, то вы газете не нужны». Во как!

— Федор Иванович Ваське подстричь велел, — добавила Анька. — Говорит, голова хорошая, а с виду, будто прошлогодняя копна.

Ребята фыркнули. Васька заложил руки за спину и отправился гулять по коридору.

Все посмотрели ему вслед.

— Часы хорошие, верно? — задумчиво сказал кто-то. — Ходят, как в аптеке.

Дёма вскинулся.

— Забыл ведь! Анька, после уроков побегим в аптеку. Федор Иванович сказал: старушки пишут в газету, трудно им за лекарством ходить. Мы носить будем.

Ребята сердито загнули:

— Мы да мы.

— А я что, рыжий? Не хуже вас могу.

— Ты уж можешь! Если таблетки сладкие, сам и съешь!

— Молчи давай!

— Дёма, и я пойду.

Зазвонил, заложил уши звонок, и Дёма спохватился: Оли рядом не было. Ушла. Обиделась, что ли?

Все чаще приходилось забегать к Федору Ивановичу — когда в редакцию, когда и домой.

Вечер был ясный, морозный, и в окнах домов отражалось багровое небо. На крыльце Дёма и Васька обмели метлой снег с валенок. Вошли в избу, стали у порога, сняв шапки.

Никого. Тикают ходики. На столе — самовар, знакомая сахарница с отбитой ручкой, чашки. Видно, гости будут.

— Дём, — шепотом окликнул Васька.

— Чего? — недовольно отозвался Дёма.

— Верно говорят, что Федор Иванович книжку пишет?

— Ну. Там и про тебя есть. Как ты придумаешься.

Васька недоверчиво поглядел на Дёму.

— Честно?

— А ты думал!

— Вот бы прочесть!

— Не готова еще, — покачал головой Дёма. — Федор Иванович ее в подполе держит, в клеенку заворачивает. Секрет потому что.

Тут же Дёма прикусил язык, но было поздно. Васька вцепился ему в рукав.

— Давай, сползаем!

— Куда?

— В подпол. Почитать, что про нас написано.

Дёминым ушам стало жарко. Про клеенку он, конечно, придумал, но книга-то и в самом деле должна быть в подполе. Где же еще?

Васька шептал:

— Мы быстро. У меня в фонарике новая батарейка, сильно светит. Прочтем — и назад. И не скажем никому. А?

Дёма даже зажмурился. Эх, нехорошо! Такой человек, — а они что затевают? Но любопытство одолевало.

Дёма толкнул Ваську плечом и прошептал хрипло:

— Лезем!

Васька мигом ухватился за кольцо в полу, поднял крышку люка. Из-под крышки глянул черный квадратный провал, пахнуло холодом. Дёма взял у Васьки фонарик, полез первым. За ним по лесенке слез Васька, опустил за собой крышку. Дёма пристроил фонарик в рукавицу и зажег.

Подпол, как все подполы. Земляной пол, крошечные окошечки в стенах. Пусто. В одном углу новый ушат — видать, с соленой капустой.

В другом углу — два ящика. Вот оно! Больше негде, как в ящиках.

— Берись.

Сняли верхний ящик, уткнулись руками в нижний. Свет фонарика то совсем исчезал в рукавице, то вырывался наружу, скудно озаряя подпол.

— Солома.

— Тихо ты.

— Солома, говорю. Нету ничего.

— Может, под ушатом?

Над головой гулко ударило. Дёма от испуга прижал к груди рукавицу с фонариком, прикрыл другой рукавицей. Мальчишки замерли.

Проскрипели половицы, кто-то прошелся по избе, взад-вперед.

Дёма протянул руку, нашел Ваську. Взял Васькину голову в обе руки, как кочан капусты, зашептал в самое ухо:

— Стой тут. Я крышку подниму маленько, буду наблюдать. Как он выйдет, мы сразу выскочим.

— Не надо! Увидит! — Васька вцепился в Дёму.

— Тут все равно долго не высидеть, заколеем.

Дёма устроился на ступеньке, уперся затылком и плечами в крышку и стал осторожно, не торопясь, приподнимать. Из прорезавшейся узенькой щелки в глаза брызнул свет. Дёма зажмурился, потом открыл глаза — и чуть не уронил крышку.

На лавке у двери сидел Шалаван.

Одет он был в коричневый костюм, при галстuke и белой рубашке. Дёма еще не видел Шалавана таким парадным.

Люк был в самом углу избы, а Шалаван, видно, не выспался и словно бы дремал с открытыми глазами. Дёма успел сообразить, что Шалаван его не видит.

Не двинувшись и не раскрыв рта, Шалаван вдруг сказал голосом Федора Ивановича:

— Пришел? Молодец. Будем чай пить.

И Шалавана на мгновение заслонил пиджачок Федора Ивановича. Значит, он вошел, не хлопнув дверью.

Снизу, из холодной тьмы, к Дёмину боку привалился Васька. Зашептал:

— Чего там, а?

— Федор Иванович. И Шалаван.

— Шалава-а?

— Ну.

Васька, ошарашенный, помолчал.

— Как же мы теперь вылезем?

— Никак. Терпеть надо. Может, уйдут.

— Уйдут, так дом закроют.

— Через поветь уйдем.

— Чего они говорят-то?

— Про яблоны. Пора снегом окучивать... Теперь про налимов; мол, ход у них в январе.

Дёма с удивлением услышал, что Шалаван картавит. Он вдруг понял, что за все время

они с Шалаваном едва ли сказали друг другу десяток слов.

Шалаван тем временем говорил:

— Как вы позвонили Обрядину, так он сразу меня оформил. А то — ни в какую. «Тебе, говорит, все равно в армию уходить, чего тебя брать. Только место займешь. А мы постоянного работника возьмем».

— Обрядин у меня учился.

— У вас кругом ученики да лучшие друзья. Хорошо так-то.

Федор Иванович не ответил. Что-то звякнуло, чашка должно быть.

— Лучший-то мой друг погиб на фронте. На моих глазах погиб и сказать ничего не успел... Шли вдвоем по мостику через речку, дело к вечеру, темноло уж. Ну, он первый увидел, что в кустах немцы. Меня толкнул с мостика, а сам не успел прыгнуть. По нему очередь прошла. А я нырнул да в сторону. Как раз под берег.

Вот какие дела! Федор Иванович никогда не рассказывал про войну, а, оказывается, воевал.

— А если бы ему крикнуть, да самому в воду? — предположил Шалаван.

— Тогда он бы спасся, а я нет. Счет на секунды.

— Значит, он вас выручил, а сам погиб.

— Точно. Потом он меня еще раз выручил...

Пей чай.

— Спасибо. Как это — еще раз?

— Отставили меня доктора от школы. Ночи я не спал. Измучился. Однажды принес бутылку водки, поставил на стол. Выпью, думаю, — может, засну. А сам понимаю, что после этой бутылки обязательно появится другая... Сижу, вот как ты, на лавке. Смотрю на эту самую бутылку. Холодно мне стало. Печь второй день не топлена. Накинул я на плечи фуфайку. В сельпо продавали: подкладка стеганая на пуговицах, верх зеленый. Похожа на армейскую... Может, она напомнила, а может, еще что, но только вспомнил я своего друга. Вспомнил — и вдруг подумал: а ведь жизнь-то моя — на самом деле не моя, а его. А я, значит, эту жизнь собираюсь пропить?..

Федор Иванович замолчал, и Шалаван сидел тихо. Стали слышны ходики. За окном проскрипели чьи-то шаги и смолкли.

— Так, значит, и не выпили? — спросил наконец Шалаван.

— Нет, почему же, — спокойно сказал Федор Иванович. — Налил стопку, помянул друга, а бутылку в шкаф убрал. Потом взял лопату. Всю ночь снег разгребал вокруг дома. Меня уж чуть не до крыши занесло. Печь топил... С той ночи я стал оживать. На третий день пошел в райком. Дали мне работу в районной газете. Сперва корректором, потом литсотрудником. Теперь я заведую отделом писем. Должность такая, что не соскучишься.

— Здорово, — сказал Шалаван.

— Раз в жизни этак бывает, — проговорил Федор Иванович. — А без друзей прожить нельзя. Озлобишься, себя потеряешь.

Они заговорили о садах, о парниках. Дёма не отвечал на Васькин шепот, думал над тем, что услышал.

— Где-то у меня были два старых улья, — донеслось из избы. — Пойдем, на повети поглядим.

— Да не, после когда-нибудь, — отговаривался Шалаван. — И так я у вас время отнял...

— Ладно, помалкивай. Сейчас фонарь возьму. Темно в углях-то.

Дверь избышки хлопнула, голоса смолкли. Пора!

Дёма с Васькой выскочили из люка, словно из квадратной черной проруби. Приладили крышку на место, выскользнули в сени.

Они так замерзли, что не стали даже ругать друг друга и валить вину один на другого. Чтобы согреться, припустили что есть духу по улице.

Окончание следует

Птица сидела на рюкзаке, и когти ее упали в зеленом брезенте. На меня смотрела яростно, и в ее горле быстро-быстро бегал живой комочек.

— А ты ее не бойсь, — пел за моей спиной Цыганков. — Она у меня ласковая.

Я осмелел и протянул руку. Птица резко мотнула клювастой головой — на пальцах у меня закровянилась рана.

— Это зачем? — Все произошло так неожиданно, что глупее вопроса я не мог придумать.

— А сердится, — тянул слова Цыганков. — Она может еще и шибче. Ей только подставь...

Лицо Цыганкова лучилось от добродушной улыбки.

— Она же меня до кости! — еле сдерживаясь, сказал я.

— А она может. Скопа она и есть скопа.

Хищник.

СКОПА- -РЫБОЛОВ

А. Пирожков

Очевидно, к Цыганкову надо было привыкнуть. Я молча стал перевязывать рану. Скопа смерила меня острым взглядом, словно прикидывая, что бы еще такое сделать, а потом отвернулась.

Наша лодка вошла в устье маленькой речушки Шатайоки, что на Кольском полуострове. Здесь было тепло и тихо. Зато комаров — батальоны. Я со злорадством увидел, что и скопе не сладко — вертит головой, как лошадь под жестким хомутом.

Цыганков вынул из пазухи круто сваренное куриное яйцо. Облупив его, показал зачем-то птице. Та заволновалась, клювом — щелк, щелк — как костяшками домино. Потом сорвалась с рюкзака и полетела — от взмаха широких крыльев разбежалась по воде рябь.

— Будет рыба на уищу, — усмехнулся Цыганков. Он уселся поудобнее, обняв ногами зеленое вердерко, уставился в небо — точно манны небесной ждет.

Скопа сделала два круга над рекой, потом вдруг камнем кинулась вниз. И брызги разле-

телись стекляшками — словно стакан об пол грохнули. А скопа уже загребала воздух тугими крыльями, и в когтистых лапах выгнулась рыбина — висит обреченно, только ртом хлоп-хлоп.

Цыганков, ласково бормоча, осторожно забрал рыбу, а скопе дал ломтик куриного яйца.

— Только бы на семгу не нарвалась, — вздохнул Цыганков. — Прошлым летом попала такая чушка — на пуд! Под воду затынула мою скопу. Добычливая была такая скопа...

Комары совсем взбесились. Я хотел погугать их табачным дымом, но Цыганков вежливо взял у меня сигареты и кинул за борт.

— Скопа не любит, — ласково шурясь, сказал он, — давеча тебя потому и тюкнула.

Минут через десять скопа приволокла кумжу этак на килограмм. И как только дотащила такое полено! Цыганков лихо вспорол кумже брюхо и бросил янтарную икру в котелок с соленой водой — тузулуком. Через полчаса мы ели бутерброды с роскошной красной икрой.

Наработавшаяся скопа сушилась на корме, глаза затянуло белой пленкой — лишь иногда пленка поползет вверх, и на меня глянет суровый, как у Ивана Грозного, глаз.

— А помыкаю я их летом, — рассказывал Цыганков. — Помыкаю, стало быть, так: примечу место, где скопа охотится, там, значит, и гнездо у нее.

Почти месяц натаскивает Цыганков пойманную птицу. А чтоб улететь не могла, привязывает к ноге ремешок с колокольчиком. Бросится скопа в лес, запутается в ветвях — колокольчик звенит, хозяйина зовет.

— За ученую скопу мне один москвич ружье свое сулил. Я сказал, что дешево хочет. Тогда этот москвич — веришь ли! — сто рублей накинул. Я сказал, это подходяще, только на менку не пошел. Примета дурная.

— Это какая же?

— А такая — утону или под медведя попаду, а еще хуже — хвороба какая прилипнет.

И все это с чистой улыбочкой, словно говорит о чем-то приятном. Только раз и помрачнел, когда сказал, что осенью отпустит скопу.

— На зиму ее никак оставлять невозможно. Потому как жирком обрастет. Сидит, лохматится, что кура на насесте. А после Нового года — с ног долой. На волюшку ее надо. Только за лето больно шишко привыкает ко мне. Ну, прямо — человек. Так я отнесу далеко-далеко. А потом — шырк-нырк. Кустами-кустами...

На корме шевельнулась скопа. Я глянул на нее и вздрогнул — птица пронзительно и тревожно смотрела на нас. Будто вдруг поняла наш разговор. И Цыганков смущенно усмехнулся:

— Ишь ты. Я ж говорю — шибче лошади соображает. Все понима-ат...

СОНЯ С МАЛЕНЬКОЙ БУКВЫ

День за днем, без передышки,
косолапый дрыхнет мишка.
Нос — под мышкой,
к носу — ноги,
теснота в его берлоге.
И хоть он — поспать не прочь,
длинновата все же ночь!
С ноября до марта,
вот он где — кошмар-то!
...Прокололо солнце тучу,
пропустило в дырку лучик.
Острым кончиком луча
водит, соню щекоча...

И, чихнув на сроки,
встал медведь на ноги.
Начихал на стужу
и полез наружу!
Прет медвежья сила,
да не тут-то было!
Сонная тетеря
не влезает в двери:
видно, за ночь эту
он подрос на метр.
Или в эту стужу
стали двери уже?
...Час топтался соня —
ничего не понял!
Поворчал, понятно,
и — уснул обратно...

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Лесное озеро — тарелочка
на желтой скатерти из мха.
А в ней уха из разной мелочи,
еще не сварена пока.

Закинем леску-самоделочку:
а ну, карасики, вы — где?
И любопытная, как девочка,
замрет лягушка на воде.

Она глядит лукаво-пристально
на поплавок, на рыбака...
Но вот сверкнет живою искрою
рыбешка, падая с крючка!

Ей повезло сегодня, маленькой,
ушла... И пусть себе живет.
И лягушонок без купальника
смеется, выпатив живот!

Советуем,
спорим,
удивляемся,
радуемся

Здравствуйте,
пионер
Турсунали!

Почти каждый день в колхоз «Москва» Реварского района Таджикской ССР почта приносит письма на имя Турсунали Матказимова.

Хотите узнать об этом человеке, о его дружбе с пионерами, о его работе и той большой славе, которую он завоевал трудом и любовью к своей родной земле? Наш корреспондент Людмила Регина познакомилась с Турсунали и готова вам рассказать о нем...

МАТКАЗИМОВА — НЕ СРАЗУ НАЙДЕШЬ.

Ох, и далеко же вы живете, Турсунали! По нашим северным понятиям, это — край земли, у самого подножия солнца. Здесь все иначе, чем у нас. Семнадцатое октября, а стоит такая жара и такие свежие цветут розы... Правда, и у вас в горах выпал первый снег, но он ничуть не мешает дневному райскому теплу. Зато как красивы снежные вершины в лучах яркого солнца, где-то там, в далекой заоблачной выси.

Вы, наверное, скажете: подумай, невидаль, горы! А я не могу оторвать от них глаз, и мне кажется чудом ваше местожительство, Турсунали, — маленькое селение в окружении гор, изменчивых, как море.

Мы едем к Турсунали Матказимову, а с ним еще не знакомы, но мои спутники, секретари Реварского райкома комсомола Долорес Бердиева и Алимардон Шаймарданов,

Турсунали Матказимов расспрашивает Мутабар Эшбаеву о школьных новостях

очень хорошо настроены: им нравится Турсунали, и они рады представить его гостю.

Алимардон поглядывает на часы. Спрашивает: «Уж не обещанный ли перерыв?» Он хохочет. Какой там у Матказимова обещанный перерыв! Какой вообще у людей на хлопке обещанный перерыв? Вы — что?

Из нежливости он всех этих слов не говорит, конечно. Гость поживет день-другой, и все поймет, все увидит, и неуместных вопросов задавать больше не будет.

Полей у колхоза много. Главный агроном — один. Мы искали его, искали и не нашли. А потом решили: пока солнце в небе горит, пусть себе работает Матказимов.

Наступил вечер. В номер гостиницы внезапно постучали.

— Вы искали меня? — просто спросил стоящий в дверях типичный таджик, в тубетейке, в длинном стеганом халате, подпоясанном, как ремнем, платком, или, по-таджикски, румолом.

— Нет! — ответ мой был решителен и чистен.

Однако у вечернего посетителя оказалось такое растерянное и такое замечательно хорошее лицо, что меня тут же осенило: Матказимов!

— Уж не Матказимов ли вы?

— Матказимов, — ответил он. И вытер лоб рукой.

Ну и праздник! Ну и награда за долгий путь к нему! Освободился от дел, услышал, что нужен кому-то, и ни минутой не медля, пришел, прилетел, поздно вечером, в дождь, к гостю. На машине или пешком? Не спрашиваю. От неуместных вопросов меня научили воздерживаться.

— Здравствуйте, Турсунали! Вот мой стол, вот мой блокнот: чем богаты, тем и рады. В блокноте, правда, двадцать два вопроса, и все двадцать два — вам, Турсунали.

Лицо у Турсунали и правда замечательное. Каким выглядит к вечеру занятый работой человек? Немножко усталым,

немножко вялым. Ничего подобного! Персикового цвета загорелое и молодое лицо Матказимова сияло (оно как бы и в эту минуту хранило жар дневного солнца)!

Мы разговаривали больше двух часов. Когда Матказимов вышел, я поглядывала в окно: на машине он все-таки или пешком? Как-никак, четыре километра до колхоза. Он шел быстрым шагом и скоро исчез из поля моего зрения. Обычный человек. Скромный. Кавалер двух орденов Ленина. Герой Социалистического Труда.

Уже дома, в Ленинграде, я отыскала в библиотеке старую газету. Не терпелось своими глазами увидеть эти слова:

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 1 марта 1948 года:

«О присвоении звания Героя Социалистического Труда Матказимову Турсуну — званиею мой колхоза, получившему урожай хлопка 89,2 центнера с гектара на площади 3 гектара»

Шестиклассница Дилорам Эшамбердиева собирает по 60 килограммов хлопка в день

ТУРСУНАЛИ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ

ВОПРОС. Вы помните тот день, когда вам вручили ордена Ленина и Звезду Героя Социалистического Труда?

ОТВЕТ. Это было ровно четверть века назад, но я помню. Меня позвали прямо с хлопка, я бежал, разволновался... награды вручали в Реваре, в Летнем театре. Сначала взрослым хлопководам, а потом нам, четверым пионерам: Раю Тугубаевой, Мехриниссо Умирзаковой и Мукарам Юлдашевой дали ордена Трудового Красного Знамени, а мне — орден Ленина. Кто-то из президиума надо мной тогда посмеялся, что я слишком покраснел, — мол, Герою так краснеть не положено... Но мне было всего пятнадцать лет, и я очень смутился.

ВОПРОС. А сколько вам, Турсунали, сейчас лет?

ОТВЕТ. Через неделю будет сорок.

ВОПРОС. Не помешала ли вам ранняя слава Героя? Можете быть, вы хотели в свое время выбрать другой путь? — ОТВЕТ. Вышло так, как я хотел. У меня была одна мечта — знать о хлопке все. Я окончил Таджикский сельскохозяйственный институт, стал агрономом. Теперь люди надеются на меня: если что не так, поможет наука.

ВОПРОС. А в отпуске тоже думаете о хлопке?

ОТВЕТ. В отпуске я не был довольно долго.

ВОПРОС. Некогда?

ОТВЕТ. Пожалуй, так...

ВОПРОС. Вы — частый гость в школах, Турсунали. Скажите, пожалуйста, о чем спрашивают вас ребята, о чем они сами спорят? Не кажутся им ваши пионерские годы более героическими? Дети обычно завидуют отцам...

Ответу посвящается целая глава, которую хочется назвать:

САЛЯМ АЛЕЙКУМ,
РАИС БОБО!

Вот ведь какие бывают в жизни странности. «Раис бобо» в букальи — переодое с таджикского означает «председатель, дедушка». И хотя Турсунали, во-первых, не председатель, а во-вторых, далеко не дедушка, дети и взрослые обращаются к нему именно так. Вы спросите: «Почему же?» Отвечу: «Из уважения». Даже прибавить можно — из особого уважения, потому что «раис бобо» — это принятие в Таджикистане форма предельно почтительного обращения к человеку.

Он приходит к пионерам на сбор, и ему говорят: «Салам алейкум, раис бобо!» А коли так, разговор должен быть откровенным. К нему обязывают взаимное уважение. И Турсунали, почтительный пио-

нер дружины в школе № 6 своего родного колхоза «Москва», с ребятами вполне откровенен и серьезен. Однажды его спросили:

— Скажите, раис бобо, а трудно быть Героем?

Он ответил: — Нелегко. Каждый честный человек должен беспокоиться о том, как живут другие люди. А уж если тебя за какой-то поступок отметили орденом или другой наградой, то никак нельзя, просто невозможно, быть самодовольным одиночкой. Без людей вокруг никаким героем никто не становится. А раз так, то надо по-

дить это примером? — спросил Турсунали Мавлюду.

И она рассказала про то, как могли бы, наверное, давно опустить руки такие одинокие колхозники, как например Бегматубо Куяматов, или такие старые, как Мамакиз Ташматова, если бы их не поддерживали пионеры. Девочки и мальчики постоянно навещают инвалидов Великой Отечественной войны, больных и пожилых людей, — несут для них лепешки, носят воду, пропалывают весной грядки, а осенью сжигают лук... Да мало ли еще что?

Турсунали очень поощряет

Турсунали, конечно, преувеличил, и понять его, скромного человека, можно. Ясно, что героями становятся только самые цельные люди. А вот стремиться к воспитанию в себе такого характера может, действительно, каждый. Что для этого нужно? Достаточно ли хорошо работать на хлопке? Достаточно ли помогать старым и больным? Может быть, надо еще что-то? Например, иметь живую душу, как у Турсунали... Не жить замкнуто только своим колхозом или своей школой, а видеть дальше — всю страну; знать, как идут дела у других, чтобы

агроном? Не главный агроном, а какой-то главный орактор...

Но в Душанбе мне очень понравилась одна таджикская школа. Придя я туда обычным образом, вряд ли сложилось бы у меня с ней такие дружеские отношения. Но эдакой стоял Турсунали Матказимов, любимец этих ребят, их земляк, и я завоевала симпатии только за его счет.

Директор школы Камила Рустамова немедленно приняла решение: Матказимовы то бы то ни стало приедут к нам! Можете не беспокоиться!

Но именно с этой минуты я

но было благодарить хозяев. Но если бы только это! Восю постарались душанбинские пионеры, Президентом КИД была тогда Зебиниссо Рустамова, умная, общительная, живая, и все вокруг нее играло и кипело. Как можно было долгие минуты ребята в их богатом и красивом крае!

Теперь для всех нас стали родными слова: «Нурек», «Нурекский хантер», «Нурекское море»... С 15 ноября, когда был пущен первый агрегат Нурекской ГЭС, газеты и радио без устали повторяли эти слова. А тогда, весной, Всесоюзная ударная стройка готовилась к своему первому решительному бою. Вот в какой момент увидели горную реку Ваши сорок девять пионеров страны, которые стали друзьями КИДы 18-й школы Душанбе.

И, конечно, их отвели в горы. Представляете себе — красивые маки, ма-

МЕХРИНИССО — студентка IV курса медицинского института.

НУРИНИССО — десятиклассница, секретарь комсомольской организации 18-й школы.

ХАМИД — выпускник Душанбинского университета, физик.

Все они кончали одну школу, а если их кончали Рустамовых, во главе с мамой-директором, либо учили, либо учились, либо учился в ней, то может ли не это повлечь на саму школу? Вот почему окно в мир открыто здесь для всех детей.

В пионерскую комнату ре-

Пионеры 18-й школы встречаются у себя в Душанбе друзей из союзных республик

Душанбинские пионеры в Ленинграде

Мамад Камиллов исполняет национальный танец

Ветнамец Эю Хо из Душанбинского ПТУ № 5 читает стихи на фестивале дружбы

дям за все хорошее, что они давали тебе, отплатить. Как я понимаю эту плату? Нужно, по-моему, сколько хватает сил, помогать другим, другим зваться на добрые дела, — так ответил Турсунали Матказимов. И тут же задал вопрос:

— Как вы думаете, ребята, что легче — отвечать только за себя или отвечать еще и за многих-многих, как рядом живет, учится, работает, растет? От лица пионеров председатель Совета дружины Мавлюда Галиева сказала так:

— Отвечать за многих, конечно, очень трудно, труднее, чем думать только о себе, но зато какой человек не один, то он сильнее и ему лучше.

— А ты можешь подвери-

это в ребятах: даже небольшие, но хорошие, искренние поступки человека украшают его, а иногда даже способны сделать жизнь доброго человека героической.

Вот я, — говорит обычно Турсунали Матказимов, — тоже не совершил выдающегося подвига, то есть мне не пришлось рисковать собою во имя других... Но наше маленькое хлопковое звено в трудную послевоенную пору являло, если можно сказать, такую высоту трудолюбия, которая приближалась к предельной, к рекордной, что ли. Мы тогда собрали с каждого гектара по 89,2 центнера хлопка. Это много. Про почему нас называли героями.

вбирать в себя драгоценные свойства их жизни, их опыта.

Об этом Турсунали спросит в другой школе... Там он пока еще не был, но его ждут и очень готовятся к встрече.

ШКОЛА, В КОТОРОЙ МАТКАЗИМОВ ЕЩЕ НЕ БЫЛ...

Знаете, сколько в Таджикистане школ? 3084.

Если Турсунали Матказимов как знатный человек Республ-ки примет приглашение от каждой пионерской дружины, то на это уйдет примерно десять лет его жизни. Какой же из него будет тогда главный

и стала беспокоиться. Что скажет мне теперь Турсунали?

Вот уж эти непоседливые люди из 18-й школы! Слова сказать нельзя — лаяют на ходу. Сами куда захотят уедут. К себе кого захотят зазовут. Были у них молотыс латиноамериканцы и, уезжая, сказали: «Ах какая школа! Ах какие дети!»

Ребята из Очакова пожаловали к ним в гости. Школа № 18 пригласила их на фестиваль дружбы в честь пятидесятилетия СССР, и не только, конечно, их, а ребят из двадцати школ страны, из разных республик. Это были незабываемые веселые дни: март 1972 года.

В Душанбе уже распустились деревья. Было тепло, солнечно, празднично, гостеприимно. Уже за это мож-

и в горах! Пожалуйста, собирайте сколько хотите!

Теперь в КИД мауд письма — из Очакова и Волгограда, из Баку и Пензы, из Самарканда и Москвы, из Рязани и Ташкента... «Вспомним нам друг у вас как самое лучшее время нашей школьной жизни», — написали ребята из Очакова. Вот какой была эта встреча!

Я гляжу на Камилу Рустамовну, таджикского педагога, и не перестаю удивляться. Она открыла окно в мир знаний своим детям, а их у нее пятеро — четыре дочери и сын! И какие!

ЗУЛЬФИЯ — учительница английского языка 18-й школы. ЗЕВНИССО — студентка I курса педагогического института.

бят притащили номер газеты «Правда». Тут все сразу зашумело, заговорили:

— Видите нашу Физруз на этом снимке?

И правда, в президиуме торжественного заседания, посвященного пятидесятилетию пионерской организации имени В. И. Ленина, рядом с Председателем Совета Министров Алексеем Николаевичем Косыгиным стоит таджикская школьница, член Совета дружины 18-й школы имени Алишера Навои города Душанбе Физруза Хайдарова.

Значит, Физруза была в Москве вместе с Турсунали Матказимовым?

— Да, меня с ним познакомили, — говорит Физруза. —

Совет дружины решил пригласить его на наш сбор.

Вот оно что! Значит, решение Камиллы Рустамовны запоздало. Эта встреча у пионеров в плане. Очень хорошо. Она будет носить «личный» характер: ведь Турсунали и Фируза знают друг друга. Теперь Матказимову, я вижу, нигде не деться. Да и может ли он отрываться от живых пионерских дел?

Я вижу: будет сбор.

Сначала рассказывает Матказимов:

1. О колохозе «Москв» — в главных чертах.
2. Доля пионеров в общем сборе хлопка на осень 1972 года 585 тонн; на 85 тонн больше, чем они сдали в 1971 году.
3. Тимуровское движение и «Пионерстрой» как основные направления в пионерской работе грех колхозных школ.
4. О себе — два слова.

Потом рассказывает дружина 18-й школы:

Как вышли в правофлангове. Для этого назвать конкретные дела.

1. Создание музея Владимира Ильича Ленина, с копиями подлинных документов, с фотографиями и макетами (шалаш в Развие, домик в Симбирске) — макеты делали сами ребята.

2. Шествие над 31-й сельской школой Орджоникидзевского района (спросить у товарища Матказимова, какая городская школа — шеф у пионеров его колхоза).

Споры, наверное, разгорались надолго, потому что общение с людьми — еще одно замечательное умение ребят 18-й школы.

И только после деловой части начнутся танцы и песни. Но они обязательны! Какой же без этого сбор!

ПИОНЕР ТУРСУНАЛИ ГОВОРИТ: «ВСЕГДА ГОТОВ!»

«Здравствуйте, пионер Турсунали!» — так прямо и написали Матказимову ребята из города Серова. А в конверт, кроме того, в аккуратном пакете положили красивый галстук.

Как бережно хранит Турсунали и письма пионеров, и их подарки, и книги с дарственными надписями — от школьников, от писателей, от крупных общественных деятелей!

Пачка писем, на которые он ответил, — толстенная. А та, на которые еще не успел, — тоненькая: два-три свежих письма. Быть связанным с пионерами для Турсунали — самый святой долг. Он всегда готов ответить детям. Потому что он — пионер по совести своей и по своим делам.

Но если вы захотите ему написать, обязательно вспомните, какой это занятый человек, и решите: есть у вас что-то важное сказать или нет. И если окажется, что есть, — напишите.

Фот. А. Малахова
и В. Мелещенко

Якко Ругоев

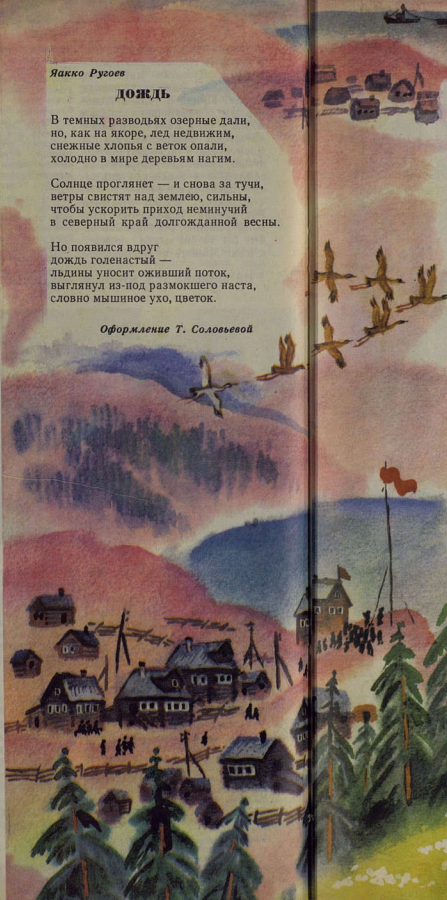
ДОЖДЬ

В темных разводах озерные дали, но, как на якорю, лед недвижимо, снежные хлопья с веток опали, холодно в мире деревьев нагим.

Солнце проглотят — и снова за тучи, ветры свистят над землем, сильны, чтобы ускорить приход неминуемый в северный край дожджданной весны.

Но появился вдруг дождь голенастый — льдины уносит оживший поток, выглянул из-под размокшего наста, словно мышиное ухо, цветок.

Оформление Т. Соловьева

ВРЕМЕНА ГОДА В КАРЕЛИИ

Щедра Карелия летом: в ветвях пульсирует сок, в воздухе, солнцем согретом, пахнет сладчайше цветком; рвы на полях зеленых ты землянику в траве или чернику на склонах, — руки и рот в синеве; а на лугу серебристо утром колышется пар... Звонко коси! Золотисто ложат на плечи загар.

Скажешь: «Октябрь у нас хмуры!... Знаешь, забот у нас тьма, нужно наполнить амбары, жито светит в закрома; ставить сговые сети, плугом пройти по живью и оглядеть на рассвете добрую осень свою: нет в ней тревоги и тягот, ярко горит на земле, глянть — сколько праздничных ягод в берестяном кошеле.

А снеговые завалы, сумрак короткого дня? Люди моей Калевалы сизальства выюге родня; наши деянки далеки, и от морозной поры жарко румянится щеки, споро стучат топоры. Бревна вывозим возами, тешимся зимней страдой... Над боровами лесами солнце трясет бородой.

Ну, а весна благодатна. Кто не оценит весну, сердце того безвозвратно предано вечному сну! Солнышко на подоконник сходит, а с юга уже щебет касаток бессонных... Мир воцарился в душе, чтоб с этих праздничных сроков вдруг ощутил ты смоги крутовертенье соков вечной и юной Земли».

ТЕПЛО ШКОЛЬНОЙ СКАЛЫ

Сколько праздников майских с весной зеленой отошло и уже не вернется назад...

Над одними — сияли цветы и знамена, над другими — пожары и гул канонад.

Но мне чаще всего вспоминается самый первый мой Первомай средь лесной тишины... Счастьем я, получив я подарок от мамы, — мама сшила из «чертовой кожи» штаны.

От земли по утрам еще стужено тняет, но проталины на поле обнажены, и земля голубеет в прибрежном тумане, и вот-вот мы уже лета дождаться должны.

Мимо нашего дома гурьбой, босоноги, мчат погодки к заливу под говор хвой, я бегу им востлед по подскохней дороге, тоже сная у калитки сапожки свои.

Там на мачте, почти что под облаками, трепетал красный флаг, созявая людей; был он поднят натруженными руками рыбаков, землепашцев деревни моей.

Там, на Школьной скале, так он реял, багрный, над умытой землею призывно мая. Словно были дучами его осязаны деревенские бабы, мужики, ребята.

И сливались в гармонии сокровенной: запаха ивовых почек, оживших в тепле, песни мая, крестьяне с осанкой степенной, верность нашей кормилце, отчей земле.

Много где я бывал, только с жизнью той прошлой не расстался в часы снеговья и мглы, и понинье я чувствую жесткой подошвой теплый камень торжественной Школьной скалы.

С этой Школьной скалы путь и начал неблизкий, из-под майского знамени путь без преграл... Были вшиты шершавой рукой материнской наши судьбы сыновья

в тот немеркнувший плат.
Перевел с финского О. Шестинский

ДОРОГИЕ МОИ НАСТАВНИЦЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

В. Панова

Рисунки Н. Кошелькова

Один почтенный офицер, выросший в Вологодской области, рассказал мне в дни Великой Отечественной войны, что в некоторых тамошних деревнях до сих пор живет прекрасное старинное слово «наставник» вместо теперешнего «учитель». Сознаюсь, из этих двух слов мне больше нравится «наставник». Оно обозначает человека, который не только дает знания, но и «наставляет», то есть воспитывает, вводит в жизнь, развивает в ученике хорошие стороны характера, возвращает любовь к хорошему и отвращение к дурному.

Мне неслыханно повезло в этом смысле в годы моего детства и отрочества. Мне выпали на долю замечательные наставницы.

Среди них были не только учителя, занимавшиеся со мной по учебникам. Была тут и старенькая няня Марья Алексеевна, и милая умная библиотекариша Анна Ивановна, направлявшая мое чтение, но в этой заметке я хочу рассказать о двух моих самых любимых наставницах.

Мы были очень бедны. Отец мой, банковский служащий, утонул в Дону, когда мне было пять лет, а братишке один год, и мама, конторская служащая, поднимала нас сама, и постоянная нужда была нашей спутницей. Вечно шли разговоры, где достать денег на обувь для нас с братишкой, или на уголь (в Ростове-на-Дону печи топили не дровами, а каменным углем, древесной лучиной разжигались только самовары), или на пальто маме, или на отдачу задолженности няне.

Читать я научилась как-то сама, незаметно, заглядывая в те книги, где буквы были покрупнее, да складывая слова из кубиков с буквами (почему-то складывала непременно на полу, не на столе, так казалось удобнее). Эта привычка, между прочим, сохранилась надоло; уже став писательницей, я любила править мои романы, разложив исписанные листки на полу.

Итак, читать я научилась сама, писать выучили мама и бабушка, а дальше учить было некому, в гимназию не принимали раньше одиннадцати лет, в крайнем случае десяти — в пригостительный класс, а приглашать домашних учителей не было средств. И вдруг пришел к нам один знакомый, сослуживец и приятель покойного отца, Аркадий Иванович Прозоровский, и сказал:

— Моя матушка Анна Фаддеевна поговорила с вашей Верочкой и выражает желание ее учить. Пусть Верочка приходит к ней по утрам.

Тут же он дал понять, что речь идет о бесплатных уроках, и моя бедная мама очень обрадовалась.

Мы с братишкой у этих Прозоровских несколько раз были на елке и нигде, кроме этих детских праздников, не могла Анна Фаддеевна со мной разговаривать, и я не помню этого разговора, да и представить себе не могу, о чем могла разговаривать с восьмилетней девочкой та почтенная седая старушка в черном кружевном чепчике, которая расставляла чашки на столе в столовой и про которую кто-то из детей сказал, что это мама Аркадия Ивановича.

В одно из ближайших утр я к ней пошла.

Помнится, они жили на Пятнадцатой линии, а мы — на Первой, это было далековато, и шла я одна и боялась прийти не туда, так как забыла, как выглядит дом, виденный мною до тех пор только при вечернем освещении, но нашла его сразу и с того утра помню каменные ступени крыльца, затоптанные снегом, кремовые занавеси на окнах и дверь на третьем этаже.

Отворила мне сама Анна Фаддеевна. Улыбнулась и сказала:

— А, Верочка, заходи, я тебя жду.

Она была в том же кружевном черном чепчике, но одета иначе: в черной юбке и бумажеюй корточке навыпуск, как носила наша няня. Она повела меня в крохотную комнатку, которой я раньше не замечала в этой большой квартире. Когда открылась дверь, меня ослепила пестрота левого заднего угла и окна. На окне стояло множество горшков и горшочков с цветущими комнатными растениями, а угол был заплетен, как сетью, гирляндами искусственных цветов, мастерски сделанных из разноцветной бумаги, шелка, бархата и простого полотна.

Как любая девочка, я была очарована этим зрелищем. Кроме цветов в комнате была кровать с высоко взбитыми белоснежными подушками, стол с письменными принадлежностями и перед столом — большое, очень красивое и, видимо, очень удобное кресло с красной обивкой.

— Вот тут я живу, — сказала Анна Фаддеевна, — на покое у сына и невестки.

Она села в кресло, а я — на стуле по левую ее руку.

— С чего же мы начнем? — спросила она. — Ты, говорят, любишь читать книги, ну что же, давай читать. Но прежде, — сказала она, — давай напишем диктант.

Тетрадки, в клеточку и в три линейки с косыми, я, по совету мамы, принесла с собой, а ручку с пером дала мне Анна Фаддеевна. И вот какие странные слова она мне продиктовала:

Стоит гора крутая, запятая.

На той горе крутой

(Здесь не надо запятой)

Стоит попова дочка. Точка.

Вдруг едет князь сиятельный!

Знак восклицательный.

И говорит поповой дочке:

Две точки. Не правда ли, я восхитительный?

Знак вопросительный.

Мой отец умре — тире.

И уехал князь сиятельный!

Знак восклицательный.

И в жизни поповой дочки...

Точки, точки, точки.

Может быть, читатель мне не поверит, но, независимо почему, в этой стихообразной галиматее я сразу поняла ее учебное значение и с того дня всегда на месте ставлю и точки, и запятые, и двоеточия, и многоточия. А каким образом так получилось — понятия не имею.

Может быть, это был какой-то педагогический опыт старого времени?

Покончив с диктовкой, Анна Фаддеевна сняла с полки толстую книгу и развернула ее передо мной:

— Почитай мне вслух.

Это было сочинение Гончарова «Фрегат „Паллада“».

Анна Фаддеевна слушала меня внимательно, ежеминутно прерывала, чтобы исправить произношение, особенно иностранных слов, или объяснить значение слова, или просто исправить ударение. И тут же мы начали заниматься географией. Я узнала, что такое остров и полуостров, широта и долгота, узнала названия ветров, и какие бывают суда, и чем отличается океан от озера. Даже собственные имена — названия континентов, морей, островов, городов — во множестве отложились в памяти после чтения этой книги, показавшейся мне от непривычки к такому чтению очень скучной. Мы ее читали что-то очень долго, я нередко томила, но Анна Фаддеевна говорила беспамятно:

— Что значит скучно, я не понимаю. Если надо прочесть, значит — надо. Вот кончим эту книгу, тогда возьмем что-нибудь интересное.

«Интересным» оказался роман Загоскина «Аскольдова могила». Потом, в течение жизни, я не раз пыталась перечитать его. И всякий раз не могла одолеть до конца: так все в нем оказалось напыщенно, вяло, малокровно, дешево. А читала с Анной Фаддеевной — и впрямь было захватывающе интересно. Потому что она попутно рассказывала мне про древнюю Русь, про Олега, Игоря, Ольгу, Святослава, Владимира. Рассказы перемежались то былинами, то стихами.

Однажды, говоря об Олеге, она взяла с полки томик Пушкина и на какой-то новый, знакомый мне манер прочла «Песнь о вещем Олеге». Так мы приблизились к изучению истории. И «Капитанскую дочку», и «Хижину дяди Тома», и «Принца и нищего» мы прочли, как говорится, под этим углом, и мне открылось, что точный факт, подлинное деяние людей, то есть история, несравненно интересней всех всадников Майн-Рида и всех чувствительных девочек Чарской.*

И даже из Чарской моя наставница умела извлекать для меня нечто ценное. Так, скажем, из «Княжны Джавахи» я узнала некоторые слова и обороты грузинского языка, из «Сибирочки» — о существовании дрессировщиков диких зверей, из «Сестры Марины» — что бывают эпидемии страшных повальных болезней и что с этими эпидемиями борются врачи. В год гибели моего отца (1910) была в Ростове холера, унесшая несколько наших знакомых и даже домочадцев, и я сопоставляла с событиями минувшей эпидемии новые мои познания и, помню, ужасно зауважала одну знакомую курсистку-медику Марусю за то, что она будет доктором. А до этого хорошенькая Маруся была для меня просто барышней, как все другие барышни. А на тему эпидемии, холеры, мора как я стала фантазировать, особенно по ночам! И как понятен мне был в главных своих философских чертах прочитанный впервые в те дни пушкинский «Пир во время чумы». Замечу кстати: непонятное и потрясающее трагичное имя «Вальсингам» пленило меня тогда и показалось ослепительно прекрасным, фантастически угрожающим, и до чего через много лет обрадовалась я, узнав из «Моего Пушкина» чтимой мною Марины Ивановны Цветаевой, что ей это имя в детстве тоже казалось великолепным.

Тот костюм, в котором Анна Фаддеевна меня встретила, был ее постоянный будничным костюм: юбка и кофточка навыпуск. В праздничные дни она носила строгое темное платье с белым кружевным галстучком. К этому добавлялись скромные золотые украшения — брошка в виде якоря и медальон на тонкой цепочке. На медальоне были ее инициалы АП, Анна Прозоровская, а внутри — крохотный портрет ее покойной матери. И неизменно, в будни и в праздник, — черный чепчик на серебряных волосах. И все это было так благопристойно и красиво, что мне всегда она казалась великолепно одетой и даже пломбы на зубах, правда, золотые, не портили и не старили ее бледного морщинистого личика.

Но однажды я вгляделась попристальнее в эту тонкую, легкую фигуру и заметила горестно, что она сутулится, больше того — горбится. Сгорбившись, она стала некрасивой и очень ма-

* Чарская, писавшая чувствительные книжки с массой надуманных, неправдоподобных приключений, была популярной детской писательницей времени моего детства.

ленькой. Но это длилось не больше минуты. Вдруг Анна Фаддеевна, словно ощутив на своей спине наблюдающий взгляд, сложила руки перед грудью; прикрыв левую ладонь ладонью правой, словно дрогнула вся и мгновенно выпрямилась, как пружина, и вернулась к нормальному своему среднему росту.

Я тогда уже попривыкла к ней и, не стеснясь, задавала ей бесчисленные вопросы. И тут спросила:

— Что это, Анна Фаддеевна, это прежде так складывала руки?

— А как же, — отвечала она, — наша мама с малых лет приучала нас так держать руки. В-первых, не искривляется позвоночник, значит — полезно для здоровья. Во-вторых, девочка не сутулится, значит — красиво. В-третьих, руки не болтаются, значит — прилично. Все мои подруги так ходили.

Когда впоследствии я поступила в гимназию, там тоже учили девочек держать руки коробочкой, и мы не горбились и не уставали от долгого сиденья за партой.

Не знаю, так ли это у других детей, но в детстве мне, чтобы полюбить человека, необходимо было, помимо его душевных и умственных качеств, восхищаться его обликом и манерой держать себя на людях. В этом смысле Анна Фаддеевна, сядя старушка в чепчике, стала для меня идеалом. Я хотела всегда быть такой же опрятной, благообразной, подтянутой, как она. Я подражала ей в походке, в поведении, в манере говорить. Думаю, что матери и бабушки, позволяющие себе при детях и внуках ходить небрежно причесанными и неопрятно одетыми, поступают неправильно. Помнится, об этом где-то писал и Макаренко. Детям не надо, чтобы их матери были одеты роскошно. Но детям необходимо, чтобы материнский облик нравился им. А этого можно добиться опрятностью и благообразием.

Еще одним восхищала меня Анна Фаддеевна. Как-то я спросила ее:

— Кто вам сделала эти цветы? — имея в виду искусственные.

— Я сама, — отвечала она. — Меня научил Вася Петров.

О Васе Петрове я от нее слышала часто. Это был гимназист, которого она репетировала и очень любила. Эти цветы казались мне таким совершенством художества, что я даже не поверила. Но однажды во время урока Анна Фаддеевна поставила на стол шкатулку с разноцветными лоскутками, цветной бумагой и кусками проволоки и при мне сделала сначала розу, потом василек. И я убедилась, что все это художество в левом заднем углу ее комнаты сооружено ею.

Да только ли цветы? Вечно она что-то шила, штопала чулки, кроила. То крахмалит и гладит свои кружевные галстучки, то пишет письма, то воспоминания. То объявит, что надумала нынче вымыть волосы особенным способом — с яичным желтком — и стучит тазами в ванной, готовясь к мытью.

От сына она принимала кров и пищу, себя же обслуживала сама. И какой уж тут покой, когда она то учила меня, то уходила к своим отстающим гимназистам, то возилась с иглой или утюгом. И мне нравилось, что всегда около нее что-то происходит: придет швея примерить новую кофту, прибежит внук Котик, прося почистить ему книжку, заглянет кухарка спросить, как готовится такое-то блюдо, явятся сослуживцы ее сына Аркадия Ивановича — поздравить дорогую Анну Фаддеевну с днем рождения.

Мы привязались друг к другу. Любя ее, как я любила, мне радостно было сознавать, что и она меня любит и — в этом я тоже была уверена — уважает. И не было урока, после которого я бы не ушла с ощущением, что вот и сегодня мне подарено что-то, чего не было у меня вчера.

Мне казалось, что так и всегда будет — я буду к ней ходить и получать эти дары. Но вдруг звоню утром в знакомую дверь на третьем этаже — выходит горничная и говорит:

— Скончалась скоропостижно наша Анна Фаддеевна.

Я ринулась в ее комнату, почему-то воображив, что она мертвая лежит там на своей кровати с высокими подушками. Но там только стояло пустое кресло перед пустым столом.

На другое утро мне вплели в косы черные ленты и мы троим — я, мама и бабушка — поехали к Прозоровским.

Анна Фаддеевна лежала в столовой на столе, одетая в знакомое мне темно-коричневое платье. Знакомый гипюровый галстучек был приколот знакомой брошкой в виде якоря. В свете лампы, горевшей над столом, серебром отливали мягкие тонкие волосы. Маленькие желтоватые руки, все в мелких морщинках, были сложены крестом на груди. Все это было мое дорогое, без чего я не знала, как буду жить, как неузнаваемо должны сейчас измениться мои дни.

Бабушка подошла к столу и поцеловала покойницу в лоб. Подошла и мама и поцеловала желтую ручку с обручальным кольцом на пальце. К руке подошла и я. Она была неправдоподобно холодной. Таким холодным, подумаю я, не бывает ни снег, ни даже ледяная сосулька. Ноги на руке были синие.

И душа моя закричала во весь голос:

«Ну зачем, чего ради так устроено?!»

Подошло несколько мальчиков в гимназической форме — вероятно, ее ученики. Вероятно, среди них был и Вася Петров. И я знала, что их души кричат те же самые слова. И так же кричали они перед черной ямой на кладбище. И тогда, когда священник в золотой ризе служил панихиду. И когда в могилу полетели комья сырой земли, громко ударяясь о крышку гроба.

Я думала, что теперь мы пойдем домой. Но все опять поехали к Прозоровским. На том столе, где час назад мы прощались с Анной Фаддеевой, были расставлены тарелки и бутылки. Из кухни несли и несли высокие стопы блинов. Вся

квартира была пропитана горячим блинным духом. И я пила вино, довольная, что и нам, детям, его налили, и ела блины, обжигавшие небо. Но, хотя и неловко было выходить из-за стола, не утерпела и еще раз сбегала в маленькую комнату, где знакомо пахло геранью и валерьяновыми каплями и стояло пустое кресло перед пустым столом.

После Анны Фаддеевны меня учила некая Евгения Станиславовна, пожилая женщина с добрым и мягким характером, но совершенно безличная и лишенная духовности. Ни одной чертой она не напоминала покойной моей наставницы. И то сказать, нелегкая, безрадостная была ее жизнь, неоткуда было ей накопить те богатства, которые потом так радостно передавать другим. Одиноким, замордованным трудом и нуждой, ни на что больше не надеющийся человек. Она жила в какой-то лачуге вместе с четырьмя обожаемыми кошками, которые выглядели куда здоровее, сытее и веселее, чем она сама. Я была у нее однажды и, как ни приучена была к бедности, ужаснулась вида этой лачуги.

У Евгении Станиславовны было много учеников, и работала она за пропитание: у кого-то завтракала, у нас обедала, еще где-то ужинала. Так работали в старину деревенские портные и сапожники, переходя из избы в избу.

При такой бродячей жизни бедняжке Евгении Станиславовне некогда было думать ни о своем здоровье, ни тем более о внешности. Меня она готовила к поступлению в частную гимназию Любимовой. Мы честно проходили программу гимназии, проходили по учебникам, не отступая от них ни на йоту, без педагогических опытов, заучивая от и до, решая подряд все задачи по задачнику, не пускаясь в такие эксперименты, как привлечение романов и стихов к учебному процессу. Но это было все, что могла дать Евгения Станиславовна, и я понимала, что ждать от нее большего — просто глупо и жестоко.

У других своих учениц, обучавшихся в гимназии Любимовой, Евгения Станиславовна разузнавала о тамошних порядках и учителей и сообщала эти сведения для назидания мне. От нее я узнала, что преподавательница географии Александра Александровна — какая-то чудачка, но, впрочем, очень образованная и умная. А еще более чудачка — учительница русского языка Нина Матвеевна, которая ни грамматике не учит, ни пересказов не задает, а только велит девочкам заучивать наизусть стихи и потом читать в классе.

Мне это понравилось, и я заранее ждала встречи с Ниной Матвеевной с интересом и даже нетерпением. Экзамены по русскому языку принимала не она, а почему-то начальница гимназии Софья Яковлевна Любимова и с нею священник, учитель закона божьего.

Нину Матвеевну я впервые встретила на пер-

вом уроке русского языка. Вошла в класс и вижу — у доски что-то очень броское, рыжее и веселое, улыбающееся и яркое.

На ней была блузка в желтую и коричневую клетку, рыжая лисица на плечах и золотисто-рыжий парик в крупных локонах. И первые слова ее были:

— Ну, девочки, кто мне выучил какой-нибудь хорошенький стишок?

Худенькая девочка болезненного вида (потом я узнала, что ее зовут Зина Стасенкова и что она учится лучше всех в классе) подняла руку и, выйдя к кафедре, прочла наизусть стихотворение А. К. Толстого «Запад гаснет в дали бледно-розовой». Нина Матвеевна сказала:

— Умница Зина, очень хорошенький стишок.

Еще кто-то читал длинные стихи — «Христианку» Надсона. Мне все это очень понравилось. Урок походил на концерт, а стихи я любила.

Но это неверно, будто Нина Матвеевна ограничивалась одними стихами. Диктанты и пересказы мы писали почти каждый день, зубрили грамматику, и даже пыталась Нина Матвеевна задавать нам что-то вроде домашних сочинений. И даже тогда, в первом классе, были девочки наши начитанные и писали грамотно.

Мне же Нина Матвеевна привила страсть к стихам. Сперва я их заучивала наизусть, желая заработать похвалу моей памяти и моему усердию. Потом стала читать их запоем. Потом сама стала сочинять стихи. Конечно, они были девчоночьи глупы и, правду сказать, совсем не талантливы. Я стеснялась, когда они попадали в руки взрослых, и прятала их: либо в постель между двумя матрацами, либо в комод под бельем. В стихах моих были феи, снежинки, незабудки, могилы, голубки, волны и прочий такой убогий хлам, который сейчас называют пошлым.

В оправдание себе скажу, что писать этот вздор я перестала очень рано. Знание поэзии надумило меня, что писать стихи надо очень хорошо, а если не можешь, не пиши вовсе, лучше будет и для тебя, и для людей.

А все-таки к Нине Матвеевне часто возвращается моя благодарная память. До сих пор она мне нравится, эта жизнерадостная женщина в рыжих локонах и с румянцем во всю щеку. А еще больше, чем локоны и румянец, нравится мне в ней это желание привить нам, девчонкам, свои личные вкусы, разделить с нами свою радость. Она ведь не только слушала наше чтение, она явно радовалась музыке стиха и учила, как читать то или другое стихотворение, чтобы извлечь из него всю его музыкальную прелесть. И при этом ученицы встречались глазами с наставницей, и в обеих парах глаз была радость, увлечение, наслаждение прекрасным. И возникала та человеческая близость, дорожке которой ничего нет. Близость наставника и подрастающего человека, вводимого им в жизнь.

„НАДО СПАСАТЬ ДЕТЕЙ!“

Л. Исупова

В подпольную социал-демократическую группу Мила Исупова вступила еще гимназисткой, пятнадцати лет. Собирались подпольщики на станции Рябово, в пригороде Петербурга. Полиция вскоре выследила их, шестерых революционеров арестовали и на несколько лет выслали из столицы.

Мила тоже была арестована, но ей удалось бежать. Разыскивать ее полиция не стала — чего уж там, девчонка совсем! А она продолжила работу в студенческих революционных кружках. Участвовала в забастовках, ездила на маевки, собирала деньги на издание рабочей газеты «Правда».

5 мая 1912 года вышел первый номер «Правды». Материалы, напечатанные в нем, — почти все безымянные или с условными подписями: «Одесский», «Рижский». Это сделано специально — так полиции труднее напасть на след революционеров. Есть в первом номере маленькая записка без подписи о забастовке студентов медицинского института. Эту записочку принесла в редакцию студентка-медик Людмила Исупова.

Она стала постоянным корреспондентом газеты.

Два года царское правительство терпело рабочую газету, а потом закрыло ее. И только в 1917 году, когда царизм был свергнут, «Правда» снова стала выходить.

Редактором газеты назначили Марию Ильиничну Ульянову, сестру Ленина. В редакции бывали Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская. Людмила Исупова выполняла их поручения.

Работала Людмила Ивановна и в газете «Известия», и в женском отделе, читала лекции о международном рабочем движении, руководила Всесоюзными курсами старших пионерских вожатых. В Отечественную войну Людмила Ивановна осталась в Ленинграде и во время блокады подготовила восемьсот сандружинниц.

Исупова награждена орденом «Знак Почета» и четырьмя медалями, две из которых военного времени: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Сейчас Людмиле Ивановне восемьдесят лет, но она продолжает работать в Музее революции.

Иногда Исупова встречается с ленинградскими пионерами. Один из ее рассказов — о том, что привело ее вновь в трудном, голодном, неустойчивом 1918 году на станцию Рябово, на ту самую станцию, где когда-то собиралась их социал-демократическая группа.

Мария Ильинична Ульянова, встретив меня в коридоре, сказала:

— Зайдите ко мне на минутку!

В кабинете за столом сидели Надежда Константиновна Крупская и рядом с ней Феликс Эдмундович Дзержинский. Редко я видела его у нас, в редакции газеты «Правда». «Железный Феликс» звали его товарищи. Высокий, собранный, неулыбчивый, он казался строгим, неприступным. Мелькнула мысль — в чем я провинилась? Я покраснела.

— Не волнуйтесь, — он пошел ко мне. — Вы любите детей? — И не дожидаясь ответа, быстро и горячо продолжал:

— Нужно спасать детей. Посмотрите, сколько их, больных, голодных, озлобленных, бродит сейчас по Петрограду! А сколько погибло этой холодной зимой! Нужно искать их везде, собирать, создавать для них новую жизнь, но это не только кров и пища. Это моральное спасение будущих советских граждан, и я прошу этим делом заняться вас.

— С чего мне начинать? — покраснев еще больше, спросила я.

— Вот этого я и сам не знаю, — взгляд его строгих глаз потеплел, улыбка тронула губы, но быстро исчезла, и он заговорил короткими, рублеными фразами:

Л. И. Исупова в 1918 году

В этом доме жили коммунары

— Немедленно приступайте к подбору сотрудников. Выберите в пригороде особняк сбежавших богачей. И начинайте работать. Как? Дело покажет. Если что не заладится, обращайтесь ко мне. И все время информируйте меня, как обстоят дела. Договорились?

Крепко жмет мне руку, глубоко и ласково глядит в глаза:

— У вас все будет хорошо, я уверен!

Много дней я бродила со своим помощником по весенним раскишим дорогам, осматривала брошенные имения. То не годился сам дом, то приусадебный участок... Помощник уже стал винить меня в привередливости, как вдруг мы набрали на станции Рябово* на прекрасное имение. Вот это, наконец, подходит: двухэтажный дом, просторный двор, служебные постройки, сад, огород, пашня, река...

Сумрачный осенний вечер. Еле горит маленькая керосиновая лампа, да каждые пятнадцать минут громко и мелодично звенят колокольчики английских часов в столовой.

В обширном барском доме я

с председателем Рябовского райисполкома товарищем Андреевым и милиционером составляю опись имущества, брошенного прежними хозяевами.

— Три дюжины маленьких салфеточек, — устало говорит Андреев. — На кой шут они были нужны?

Стук в окно отвлекает нас. Андреев положил руку на браунинг, милиционер быстро распаковывает рамы. В сумерках маячит детская фигурка.

— Ради Христа, подайте одну картошечку!

Перед нами худенькая бледная девочка лет одиннадцати,

Рисунок Ю. Шабанова

* Теперь Всеволожская

на босу ногу какие-то опорки, ситцевое платишко, рваный байковый платок.

— Как тебя звать, девочка?

— Клава! Дайте маленькую картошечку!

Мы оставляем Клаву у себя. Она — первая девочка нашей коммуны.

За месяц число наших подопечных выросло до пятидесяти.

Рабочие Шлиссельбургского завода и сельсовет приводили беспризорных, голодных, в лохмотьях.

Как-то я увидела в лесу полудетых мальчишек Кошкиных. Отец на фронте, мать умерла, и дети жили в пустых дачах, ловили ворон и жарили их на костре.

На Финляндском вокзале подобрала девочку. Она горько плакала от того, что не идет мама. У девочки был чемодан, корзиночка с продуктами и карточка: «Оля Григорчик, 5 лет» — все, что ей оставила мать.

В маленькой избушке на краю деревни нашла девочку лет четырех, Олю Ермолаеву, она сидела на кровати рядом с мертвой матерью.

По вечерам у озера в пустующей даче слышалась музыка.

Мы зашли в дачу и увидели за пианино белокурого мальчика. Он заявил, что сам себе хозяин, что питается вареньем, которого в погребке много, и никуда отсюда не пойдет, потому что любит «играть на музыке». У Жени Семенова — так его звали — отец на фронте, а мать умерла. Только тогда, когда я пообещала увезти в коммуны его «музыку», Женя согласился поехать с нами.

Появился у нас мальчик лет девяти — Костя Ивадра,

страдавший какой-то кожной болезнью. Мы его лечили, но без успеха.

Коротко я писала товарищу Дзержинскому о детях, о наших успехах и неприятностях. От него я давно не получала весточки, но знала: он не забывает нас.

Однажды вечером, как всегда, собрались у пылающего камина, разостлали ковер, читали вслух книжку. Женя тихонько наигрывает грустную мелодию.

И вдруг — громкий стук в парадную дверь. Мы ходим через кухню, парадный, с медведями у входа, вестибюль закрыт. Все вскочили с ковра.

— Что испугались? — спросил конюх Николай. — Сидите, пойду узнаю, кто там.

— Может, открыть вестибюль? — тревожится завхоз тети Жени.

— Не надо, — говорю я, — выстудите столовую. Пройдет через кухню. — А сама гадаю: кто это может быть?

В дверях красноармеец.

— По поручению Дзержинского, разрешите посылочку вам передать.

И он протягивает мне книжку Н. К. Крупской.

— А детям — мешок солевой рыбы, я его в кухне оставил.

Из кармана шинели достает небольшой пакетик:

— Товарищ Дзержинский просил передать эти порошки Косте, а Жене Семенову наказывал только по этой толстой тетрадке на «музыке» играть.

Воспитательница Мария Федоровна быстро взяла из рук красноармейца нотную тетрадь.

— Это же замечательно! Иди сюда, Женя, мы теперь с тобой по-настоящему будем учиться.

— Мы тут проездом, — спешит к двери красноармеец, — меня товарищ ждет.

— Зови товарища, снимай шинель, садись к огоньку молочно с ребятами пить, — командует тетя Женя, а Марюшка уже несет поднос с полными кружками.

Ребята окружают красноармейцев, стаскивают с них шинели, ведут к камину.

Под аккомпанемент Жени ребята поют «Вихри враждебные».

— Ого, — удивляется красноармеец, — это же любимая песня нашего Отца.

Так чекисты называли Дзержинского.

В этот вечер режим наш был нарушен. До ночи проговорили у камина.

А утром за завтраком Клава сказала:

— Теперь и у нас есть отец — Феликс Эдмундович. Напишем ему спасибо за его заботы о нас.

До Отечественной войны с некоторыми моими воспитанниками я переписывалась и встречалась. Братя Кошкины стали доблестными сынами Советской Армии. В дни красного календаря они всегда меня поздравляли. Оля Григорчик заходила показывать своего маменького сынишку. Не забывал «тетю Люсю» и Женя Семенов, который учился в консерватории в Москве и сообщал мне о своих композиторских успехах. Олю Ермолаеву я встретила в войну в рядах противовоздушной обороны. Оля и сейчас заглядывает ко мне. Часто я вижу с Клавой, она работала на заводе «Светлана», а теперь пенсионерка и бабушка.

Наша коммуна — это один из первых советских детских домов. Годы, что я проработала в коммуне, кажутся мне самыми полноценными в жизни. Запуганные, озлобленные ребятами, мои воспитанники, они стали настоящими советскими гражданами. Как и хотел Дзержинский.

Здравствуй, Карл Бруннер! Вот мы и снова встретились. А помнишь, как это случилось впервые?

— Долгой фрицевскую книжку! — крикнул Васяка Стариков. — Бей, рви, круши! — и подал под зеленому переплету. — Анна унд Марта баден!

Мы как раз начинали учить немецкий, с величайшим, надо сказать, отвращением: шла война. Все эти Анны и Марты купаются и едут «нах Анапа», — а в Анапе и вправду немцы, и на Волге немцы, и в Пулкове.

Ворохом взлетели под потолок класса листки, замелтешили картинки. Ну-ка, что хоть там нарисовано, что там говорится о проклятой стране, где у нас друзей нет и быть не может?

Неожданная их дружба возникла на вокзале, в Москве. А с ней родилась и тайна. Тайна, скрепленная клятвой: искать и найти золотую статую Перуна, ту, что, согласно легенде, некогда была схоронена где-то под Новгородом. Ну, а Костик — ему доверил свою мечту юный москвич Волода — жил и учился в Новгороде.

Новгород совсем особенный город. Та героическая история, что отгремела, отзвенела мечами, кажется, продолжалась здесь жить.

Взглянешь на белые стены Кремля, что розовеют в предакатные часы, и представишь себе, как с его стел летят стрелы в неприятели, как сбрасывают бревна и горшки с раскаленными углями, как темнеют от крови воды Волхова, а в небо вздымаются рыжие пламя, осылая гарью воинов, живых и мертвых.

В маленькой комнатке на чердаке ютятся семья лесника. Мальчишки Волдис и Густав не учатся в школе — отцу их никак не скопить «школьняк» денег, плату за учебу. Еще бы! Нередки дни, когда в семье нет ни крошки хлеба.

Но жизнь, полная недетских забот и раздумий, не убивает в Волдисе доброты. В нем крепнет любовь к родной земле и вместе с тем растет упрямство, протест против несправедливости.

Он признается своему другу Августу: «Знаешь, когда я вырасту большой, все буду делать наоборот, барону назло». И когда деревенских ребят вызывают свидетелями в суд и у Волдиса, как и у всех, во рту пересохло от страха, он все же приказывает себе говорить все как было —

Тут ты и вынырнул из-под ног толсторожих щуцманов и понесся, петляя, по берлинским улицам, сбивая с толку шпиков, вырывая подпольщиков, разбрасывая листовки.

Ты был такой маленький, а штурмовики такие огромные, страшные, они махали дубинками и палили вслед из револьверов. Но игрушечный красный фронтовичок в твоём кармане упрямо звал: «Плим-плим! Рот-фронт, несмотря ни на что!»

Учительница Эмма Семеновна застала нас не за партами, а на полу — мы складывали в обложку рассыпанные страницы, спорили, кому читать «Карла Бруннера» первым, и тот же Васяка Стариков свирепо кричал: «На морского, и отцепись!»

Эмма Семеновна не обратила внимания на беспорядок. Она сияла. «Их гратулире!.. — сказала она. — Поздравляю вас! Сталинград выстоял!»

Если же спуститься в котлован, где ведут раскопки археологи, то на свежем срезе земли увидишь смену минувших веков. Вот они эти слои — черные, коричневые, желтые, серые. И каждый таит в себе оружие, утварь, останки старинных обитателей города...

Костик ревностно взялся за поиск. И нашёл... но не золотую статую древнего божества, а склад бомб, оставленных фашистами. И надо ли говорить, что люди самых разных профессий — археолог, историк, шофер, регулировщик, военные саперы — помогли обезвредить страшный клад. А два друга увлеклись другим поиском и в конце концов им удалось выяснить, когда, как, при каких обстоятельствах был совершен героический подвиг несколькими советскими бойцами, освобождавшими

Он выстоял, а нацистский Берлин пал, и, честное слово, мне кажется, что в этом и твоё заслуга, храбрый немецкий мальчишка. В славной антифашистской шеренге таких, как ты, были сотни, — Германия коммунистов, Германия Эрнста Тельмана и Эрнста Буша воевала вместе с нами и победила.

Хочется, чтобы нынешние ребята тоже с тобой познакомились. Чтобы прочли книгу о тебе, недавно переизданную, которую написал почти сорок лет тому назад венгерский писатель Бела Балаш.

Ф. Нафтулев

Новгород от фашистских оккупантов.

Как все произошло? Вы это узнаете, когда прочтёте повесть М. Ефетова «Граната в ушанке». Вместе с другой повестью «Последний снаряд» она вышла в издательстве «Детская литература». Обе повести — о героях советских людей, защищавших родину в дни Великой Отечественной войны.

Читателям «Костра» будет интересно узнать, что вторая повесть родилась из небольшого рассказа «Последний снаряд», опубликованного в «Костре» в 1962 году.

Н. Теребинская

только правду. «Вот позор, если слобна не выдавлю!»

И не случайно герой этой автобиографической повести юншей вступил в красный латышский стрелковый полк, а позже — в годы войны — очутился в фашистском застенке.

«Маленький человек на большом пути» — так называется эта книжка. Известный латышский писатель Вольдемар Бранк написал о своём детстве.

Действие повести начинается в самом начале нашего века и заканчивается до Октябрьской революции. Но уже прогремели первые стихийные волнения рабочих, прошёл так называемый «Рижский бунт», уже приехал в Ригу Владимир Ильич Ленин, чтобы установить связь с местными социал-демократами. Но ла-

тышская земля еще не принадлежала народу Латвии. «Баронский лес», «баронское озеро», «баронское имение»...

Прочитав повесть, вы поймете, как рос в мальчишке дух протеста, желание добиться свободы и счастья для всех.

Алтайский писатель Лев Квин — друг и переводчик Вольдемара Бранка — рассказал нам: «Эту книгу я читал еще будучи гимназистом. Помоему, очень интересная книжка. За внешней бесстрастностью ощущается глубокое волнение рассказчика».

Л. Пожидавва

В. Б. Карл Бруннер

М. Ефетов
ГРАНАТА В ПОСЛЕДНИЙ

Вольдемар Бранк
МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК НА БОЛЬШОМ ПУТИ

ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ РАБОЧИЙ — ВСТАНУТ МАШИНЫ, И ТОЧКА!

Борис Никольский

Чашка горячего чая. Англия, зима 1972 года

В английском парламенте шли бурные споры. Депутаты обсуждали, как следует поступить с бастующими шахтерами.

Ораторы сменяли один другого, прения были в самом разгаре, когда в зале начал меркнуть свет. Погасли электрические лампы. Палата общин погрузилась в темноту.

Что произошло?! Бастуют шахтеры, а не электрики?

До сих пор правительство рассчитывало взять бастующих измором. Пусть не работают шахты, пусть не бегут по железным дорогам составы с углем, — того угля, что уже добыт и хранится на складах, хватит не меньше, чем на два месяца. Два месяца срок не маленький. Разве смогут два месяца продержаться шахтеры?

И вот лампы погасли... Это означало, что — сколько бы топлива ни имелось еще в запасе — правительство проиграло. И, значит, впустую с первых дней забастовки буржуазные газеты кричали:

«Посмотрите! Шахтеры работают только о себе. Им безразлично, что без угля закроются заводы и фабрики, останутся электростанции. Тысячи людей останутся без работы. И все только потому, что

шахтеры упорны и несговорчивы».

«Если ваши дети станут замерзать в неотапленных квартирах, — лили эти газеты крокодиловы слезы, — если ваши дома останутся без света, в этом будут виноваты только шахтеры с их непомерными требованиями».

Требования, кстати, не были непомерными. Шахтеры хотели добиться повышения заработной платы. Это раз. Трудно поверить, но заработная плата шахтеров в Англии была одной из самых низких; за свой тяжелый труд под землей английские шахтеры получали меньше, чем рабочие других профессий.

Они хотели добиться увеличения отпусков. Это два. Все-го две недели отпуска в году получал английский шахтер. Теперь горняки требовали трехнедельного отпуска.

Они хотели добиться улучшения условий труда. Это три.

Впрочем, тех, кто сочинял статьи в газетах, и тех, кто командовал этими газетами, меньше всего волновало, справедливы или несправедливы требования шахтеров. Посеять рознь среди рабочих, настроить металлургов и машиностроителей, электриков и железнодорожников против шахтеров — вот на чем строился их расчет.

Успех забастовки во многом зависел от того, как поведут себя рабочие электростанций, рабочие заводов и фабрик, которым со дня на день грозил простой.

В те дни произошел такой случай. Пикет рабочих-шахтеров — таких пикетов забастовщики расставили множество — нес свое дежурство возле ворот крупной теплоэлектростанции. Шахтеры знали: запасы угля на электростанции кончились. Теперь главное — не пропустить в эти ворота ни одного грузовика с углем. И тогда электростанция остановится.

Вдруг пикетчики увидели, что к ним от здания электро-

станции движется группа рабочих. Пикетчики насторожились. Эти люди с сегодняшнего дня должны остаться без заработка. Зачем идут они? Простить? Угрожать? Требовать, чтобы шахтеры сняли пикет?

Но что это? В руках у девушки, которая идет вместе с рабочими, — чайные чашки. И дымящийся чайник.

— Вы, наверно, замерзли, друзья, — говорит пожилой рабочий шахтерам. — Выпейте горячего чаю. И помните — мы всегда с вами.

Чашка горячего чая стала в эти дни символом рабочей солидарности. Шоферы, электрики, докеры помогли шахтерам в их борьбе. По всей Англии рабочие собирали деньги в помощь бастующим.

Правительство арестовало тринадцать пикетчиков. В ответ трудовая Англия пригрозила всеобщей забастовкой.

Дома Лондона погружались в темноту. Исчез на улицах блеск реклам. Останавливались заводы. Только по специальным разрешениям шахтеров-пикетчиков уголь доставлялся в больницы, дома престарелых, детские учреждения.

Решающие переговоры между правительством и шахтерами шли при свете керосиновых горелок.

Заканчивалась шестая неделя забастовки.

Правительству ничего не оставалось, как признать свое поражение. Шахтеры одержали победу.

Десять дней и полгода. Англия, лето 1972 года.

На какие только ухищрения не пускаются капиталисты, чтобы ослабить борьбу рабочего класса, чтобы сломить его революционный дух! Обман и угрозы, мелкие подачки и лживые обещания — все идет в ход.

Вот что придумали, например, японские предприниматели. «У рядового рабочего, изнуренного работой за конвейером, накапливается ненависть прежде всего против чиновников из администрации завода, — рассудили они. — А раз так — дадим рабочему возможность расправиться с ненавистным чиновником». И поставили в цехе чуело-манекен, как две капли воды похожее на чиновника. Рядом с чуелом — палка. Пожалуйста, бей сколько хочешь. Изливай свою ненависть. А потом снова становись к конвейеру.

Конечно, когда дело доходит до серьезных классовых сражений, у капиталистов находится куда более коварное оружие против рабочих.

On Strike.

В Англии, к примеру, есть даже целая фирма, которая только тем и занимается, что поставляет штрейкбрехеров на те строительные площадки, где bastуют рабочие. Штрейкбрехерами, или скэбами, в Англии презрительно называют тех людей, которые соглашаются работать вместо забастовщиков.

Разоблачить позорные дела этой фирмы взялись молодые лондонские рабочие. Возглавил их комсомолец Питер Каванаг. Хозяева уволили Питера и его друзей. Но не тут-то было! В защиту Питера выступили его товарищи — лондонские строители.

Чтобы не дать работать штрейкбрехерам, забастовщики решили захватить башенный кран и провести на вершине крана сидячую забастовку. Так рабочие рассчитывали привлечь внимание к борьбе за свои права. Подняться на кран вызвался Питер Каванаг.

Позднее газеты опубликовали отрывки из его дневника.

«День первый. Затаскиваю наверх веревку, одеяло, спальный мешок и сэндвичи. Волнение — не то слово. Просто дрожу от страха. Оказывается, спать можно лишь в полусидячем положении. Жутко холодно и по-прежнему страшно. Все-таки высота — 40 метров. Вскрываю при каждом шорохе.

День второй. В 7 часов утра Джордж приносит газеты, чай и сэндвичи. Поднял наверх и ведро с водой для умывания. Наблюдаю за тем, как внизу работают скэбы. Рано или поздно им придется убраться отсюда.

День третий. Компания «Ловеллз» поставила у главных ворот на стройплощадку сторожевого пса. Между тем несколько парней из скэбов присоединились к нашим пикетчикам.

День четвертый. Представитель управления компании потребовал, чтобы мне больше не

приносили еду. Ха-ха. В 5 часов дня на стройку повалил народ. Пришли строители с площадок фирм «Макал пайнз», «Барбикан», «Кабитс», с Теймс-стрит. Главные ворота сорваны с петель. Овчарки убежали. И охранники куда-то спрятались. Из управления пока никто не показывается. На площадке происходит митинг солидарности. Замечательно!

День пятый. На площадке пусто. Скэбы не появляются, а наши ребята все в городе: выступают на митингах и собирают деньги в наш фонд. Воспользовался одиночеством и хорошоенько вымылся. Потом прогулялся по крану. 20 метров вверх-вниз по стреле. Теперь буду разминать ноги три раза в день. Приезжали западногерманские телевизионщики. Коммунисты Кэмдена прислали горячий суп. Обеденные!!!

День шестой. Ночью был настоящий мороз. Поднялся ни свет ни заря. Пришли ребята, советовались и решили, что мое «сидение» нужно продолжить до среды — дня, выбранного для забастовки солидарности.

...День десятый. В семичасовым утреним выпуск новостей сообщили о прекращении работ на стройплощадках Лондона и сборах на демонстрацию.

Четверть второго, а никого еще нет. Начинаю волноваться: вдруг на демонстрацию никто не придет. Через пять минут народ начинает подходить. Без четверти два на площадку вступают главные колонны демонстрации строителей. Ну вот, мне пора и спускаться! Прощай, кран. Спасибо, дружище!»

Пуля в спину. Испания, 1971–72 годы

По всей земле, повсюду, где у власти стоят капиталисты,

гремят классовые бои. Не везде и не всегда они оканчиваются так успешно, как забастовка английских шахтеров. Борьба не обходится без жертв.

От выстрела в спину падает замертво молодой рабочий Педро Патино Толедо. Стрелял жандарм. Вся вина Педро состояла в том, что он распространял листовки, призывающие к стачке.

Это произошло в Мадриде, в столице Испании.

В Испании забастовки запрещены. Забастовщиков ждет тюрьма. И все-таки то здесь, то там вспыхивают стачки.

Бастуют шахтеры Астурии. На восьмой неделе у них кончается продовольствие. Семьи шахтеров голодают. Полиция арестовывает тысячи людей. Забастовка подавлена.

Бастуют строители Мадрида. Нет, не зря погиб Педро — сорок тысяч строителей бросают работу.

Настоящее сражение развивается между рабочими и полицией на автомобильном заводе «СЕАТ» под Барселоной.

Все началось с того, что администрация завода применила локаут. Локаут — в буквальном переводе — «запирать дверь и не впускать». Что это значит? А вот что.

«Вам не нравятся условия работы? Вы протестуете? Вы считаете, что вам мало платят? Прекрасно, мы вас не держим, — говорят предприниматели рабочим. — Мы сокращаем производство, закрываем цеха. Вы уволены». И всё. Разговор окончен. Это и есть локаут.

Администрация «СЕАТ» выбросила на улицу сразу пять тысяч человек. Остальные рабочие заявили протест. Несколько уволенных тайно пробрались на территорию завода и начали агитировать за забастовку. И на заводе начались волнения.

Тогда завод окружили поли-

On strike...

St zeik

цейские и жандармы. Им на подмогу прибыли вертолет и водная пушка.

Когда полицейские стали наступать на рабочих, те принялись строить баррикады и вступили в рукопашную схватку. Один рабочий, Антонио

1 мая 1886 года здесь, на площади Хейммаркет, полицейские жестоко расправились с рабочей демонстрацией. Восемь рабочих были арестованы по ложному обвинению. Четверо из них — повешены.

В память о чикагских перво-

И все бесполезно. Новый взрыв сбросил бронзовую фигуру с постамента. А на постаменте ночью появилась надпись: «Там, где пролилась кровь рабочих, там, где родился Первомай, должен стоять памятник рабочим, а не убийцам».

И опять пришлось полицейским собирать останки статуи. Только теперь они уже не решились поставить искаленную статую, как прежде, на площади. Ее отвезли в городское полицейское управление. Что ж, там ей и место. Теперь лишь пустой постамент напоминает о том, что на площади был памятник...

История эта весьма поучительна. Воля рабочих рано или поздно восторжествует — вот о чем говорит эта история. И недаром бастующие немецкие рабочие-металлисты в ФРГ на

Виллабо, сбил полицейского с лошади. Полицейский выхватил револьвер и тут же вса-
дил в рабочего пять пуль.

Бой с полицией еще долго продолжался и на улицах, уже за воротами завода...

В очень тяжелых условиях, подвергаясь смертельному риску, ведут свою борьбу испанские рабочие. И все-таки они не теряют надежды. Они знают — победа будет за ними.

Конец бронзового полицейского. США, 1971 год

Без малого девяносто лет возвышался на одной из площадей американского города Чикаго необычный памятник. Нет, это не был памятник знаменитому ученому, или выдающемуся мореплавателю, или прославившемуся полководцу.

На постаменте стояла бронзовая фигура полицейского.

майских событиях 1886 года день 1 мая стал Днем международной солидарности пролетариата.

Американская же буржуазия решила увековечить эти события по-своему — на площади Хейммаркет был сооружен памятник полицейскому. По мысли городских властей, он должен был изображать торжество закона.

Но даже бронзовому полицейскому плохо пришлось в рабочем районе Чикаго. Однажды его сбили грузовиком, как-то, накануне Первого мая, вставили в его руку древко красного знамени, не раз обливали краской, взрывали.

Впервые взорвали его в октябре 1969 года. Полицейские по частям собрали своего бронзового собрата и снова водрузили на постамент.

Не прошло и года, а статуя снова взлетела в воздух. Ее опять склеили.

Возле памятника установили скрытую телевизионную камеру, день и ночь здесь дежурила полицейская машина. Ни много, ни мало — целых 86 тысяч долларов истратили городские власти на охрану памятника.

своих транспарантах начертали такие слова: «Если захочет рабочий — встанут машины, и точка!»

Оформление
А. Гетманского

¡Huelga! Basta!

Боба и слон

КИНОПОВЕСТЬ

Виктор Голявкин

Рисунки автора

ТЫ КУДА?

Малыш просит у мамы одно эскимо и с этим мороженым идет к воротам.

— Ты куда? — спрашивает его контролер.

— За слонем, — деловито отвечает Боба.

— Дальше ворот не уходи, — смеется контролер, — посмотри его за воротами и — обратнo.

— Хорошо, — отвечает малыш, — я посмотрю его за воротами.

МНЕ НУЖНО СЛОНА, А НЕ КОТЕНКА

Боба идет по улице, бережно несет перед собой, как флажок, мороженое для слона. Идет он мимо биржи, Ростральных колонн. У Невы на ступеньках рыбаки ловят рыбу.

Малыш подходит посмотреть.

— Дадим рыбкам твоё мороженое? — спрашивает рыбак.

— Нет, это для слона, — отвечает малыш.

— Гляди, Слон, тебе мороженое принесли, — говорят рыбаки.

Встает с удочкой здоровенный толстый дедина, улыбается во все свое широкое лицо.

— Где? Кто принес?

— Да вон мальчонка тебе принес.

— За это дело, ребята, по шее дадут, — возмущается Слон, — рыба у меня в это время клюнула...

— Я настоящему слону несу, — говорит малыш.

— Ну, тогда тебе в зоопарк. Мороженое-то у тебя, гляди, того...

Боба идет по Дворцовому мосту, гордо несет перед собой эскимо.

Мороженое тает, светит солнце, отличная погода, но жаль мороженое. Боба старается его уберечь, поминутно облизывает пальцы.

Где искать слона?

Малыш идет по Дворцовой площади, мороженое все тает и тает...

Мороженое уже совсем растаяло, остатки шлепнулись на тротуар. И Боба плачет.

Но в это время около мороженого очутился маленький котенок и сразу все съел.

— Ну вот, видишь, — слышит Боба чей-то голос, — не пропало даром твоё мороженое.

— Откуда ты здесь взялся? — спрашивает Боба котенка.

— Он сидел у меня за пазухой, — отвечает прохожий старичок, — но, как только почувал твоё мороженое, выпрыгнул на тротуар.

Окончание. См. «Костер» № 3 за 1973 г.

Котенок, съев мороженое, бежит дальше, видимо, он больше не хочет сидеть за пазухой, и старичок кричит:

— Лови его! Лови!

Котенок забежал в парадное.

— Мне нужно искать слона, а не ловить котенка, — говорит Боба. Тем не менее он ловит котенка и возвращает старику, а старик угощает его за это новым мороженым.

— Кстати, что за слона ты собираешься искать, если не секрет? — спрашивает старик.

— Потом, потом, — говорит Боба. Ему очень некогда.

С ВЫСОТЫ ВДНЕЕ

Малыш продолжает путь. Сворачивает в сторону Исаакиевского собора.

И второе мороженое тает...

Исаакий. Очередь в каску, толча у входа. Многие сидят на ступеньках.

Боба понимает, что мороженое ему не сохранить, тоже садится на ступеньки и съедает все сам.

— Тетенька, — обращается Боба к сидящей рядом старушке, — я вам что-то скажу. Из зоопарка убежал слон, понимаете?

— Да что ты?

— Правда, правда, убежал. Вот я только сейчас его мороженое съел. А как вы думаете, в какую сторону он убежал?

— Да кто его знает.

Боба смотрит во все стороны, а потом наверх. Встает, отходит на расстояние, запрокинул голову, глядит на купол Исаакия. Там наверху видит людей.

«Увидеть, где слон, можно только сверху», — решает он и пробивается к входу.

— А ты с кем, мальчик? — спрашивают его на контроле.

— Я... с тетей.

— Ты не со мной, — говорит тетя.

— Я с дядей, — говорит он.

— Где твой дядя?

Боба показывает на военного.

— Ну, если ты со мной, тогда пойдем, — говорит военный.

Они поднимаются по внутренней лестнице Исаакия, и военный спрашивает:

— Отстал от своих, прозевал?

— Ага.

— Где же они? Ты их видишь?

— Угу.

— Наверху?

— Ага.

— Не больно ты разговорчивый. Ну, ничего, поищем, найдем. Так и вовсе потеряться можно.

— Найдем, — говорит Боба.

— Я тоже так думаю, найдем: куда им деться.

Поднялись наверх.

— Ну, где твои родители? — спрашивает военный.

— Найдем, найдем, — говорит Боба.

— Ну так ищи, мне некогда с тобой возиться. Внимательней смотри, а то прозевать недолго.

А Боба смотрит вниз во все стороны, ищет слона, ему мешают, он старается протиснуться, старается теперь вырваться от военного, но военный не отпускает его руку.

— Э, брат, так не пойдет, я тебя сюда привел, я и должен найти твоих родителей.

— Понимаете, — говорит Боба, — я ищу слона.

— Слона?!

— Понимаете, я его пока нигде не нашел, но, может быть, еще найду.

— Где же ты его искать собираешься? Что-то ты не то болтаешь. Где же ты мог здесь, наверху, найти слона? — С недоумением смотрит на Бобу военный.

— Да не наверху, а внизу.

— Ты же снизу пришел.

— Внизу слона не видно. Понимаете, мне теперь надо идти обратно.

— Значит, твои родители уже ушли, так получается? Как они так скоро уйти могли?

— Вон он! Вон он, мой слоник! — вдруг заорал Боба на весь Ленинград. — Неужели вы все не видите его? Вон, вдалеке, вон там, где пожарные машины!

Люди заволновались:

— Где?

— Что?

— Чего?

— Почему кричит этот мальчик?

— А вы не видите слона?

— Покажите, пожалуйста.

Совсем маленький ребенок, меньше Бобы, завопил визгливым голосом:

— Я вижу суп!

— Какой он суп увидел? — заинтересовались люди.

— Ах, он увидел кастрюльку супа на нашем окне, — объясняют родители, — у него прекрасное зрение.

Одна старушка сказала:

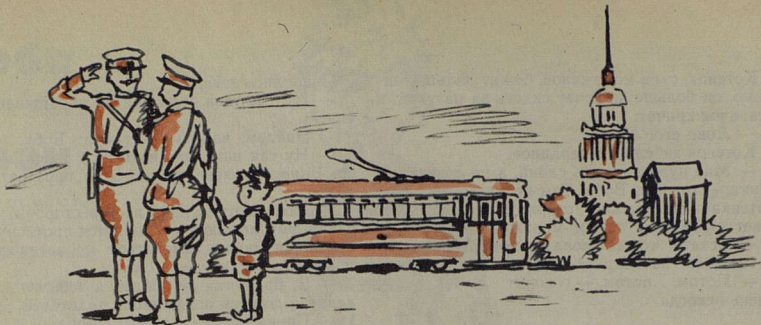
— Таких маленьких водят на такую высоту, а они пугаются и больше ничего.

— Успокойтесь, бабушка, — сказали родители ребенка с редким зрением, — при всем вашем желании, вам никогда не увидеть эту кастрюльку с супом.

— Я сюда пришла посмотреть панораму нашего города с птичьего полета, а не вашу кастрюльку с супом.

Военный вел Бобу за руку, спешил вниз.

— Я видел его! — повторял Боба. — Я его видел! Теперь-то я найду его окончательно.

— Здорово ты выдал про слона, переполошил весь Исаакий, — сказал военный.

— Ой, мне жарко, — вдруг сказал Боба на улице, — так жарко, прямо умираю.

— Неужели так жарко? — удивился военный.

— Страшно жарко.

— Воды тебе купить?

— Мороженое.

— Ах, вот оно что, ну, пойдем, мне на поезд пора, куплю тебе мороженое, а потом в милицию отведу.

— Почему?

— Времени у меня нет с тобой возиться, пойми. А там твоих родителей найдут, можешь не волноваться.

— Как же вы меня туда отведете, когда вся милиция сейчас слона ищет.

— Прекрати ты про своего слона, надоело. Умный, вроде, парень, а мелешь вздор.

Военный покупает Бобе мороженое, но он его не ест.

— Чего же ты не ешь? — спрашивает военный.

— Мне уже стало не жарко.

— Ешь, ешь.

— Я потом.

— Слушай, брат, я опаздываю, скорей тебя надо сдать. Откуда ты явился на мою голову!

— Все равно вы меня не сдадите, ведь я вам серьезно говорю: сдавать меня сейчас некуда.

Военный вздыхает, смотрит по сторонам, не знает, как быть, куда направиться.

— Пойдем-ка к постовому, — говорит он.

Пока военный объясняет суть дела постовому, Боба, уловив момент, залезает на остановке в трамвай.

ОШИБКА

Трамвай шел в противоположную от слона сторону. Бобе важно было убежать от военного и постового. И на следующей остановке Боба сошел.

А мороженое тает...

Предстоит нелегкий путь к слону.

Боба идет по Александровскому саду и вдруг видит впереди... Марину. Она, наверное, меня ищет, думает он и устремляется за ней.

— Марина, Марина, ты меня ищешь? Я слона видел!

Наверняка она слышит его, но сердится и не хочет обернуться.

На Марину лают две собаки, и она испуганно останавливается.

— Не бойся, не бойся, Марина! — кричит Боба, подбегает к ним и отдает собакам мороженое.

Она оборачивается, и Боба видит, что это вовсе не Марина, а совсем другая девочка, в такой же одежде.

— А я думал, что ты Марина, — говорит Боба. — Чего ты собак испугалась? Марина собака не боится.

— Я Наташа, — говорит девочка.

К ней подходят родители, и Наташа им говорит:

— Вот этот мальчик меня сейчас спас от собак.

— Тогда пойдем с нами сфотографируемся на память, ты можешь отлучиться на минутку?

— Пожалуйста, я могу с вами сфотографироваться, — отвечает малыш.

— Ты ленинградец?

— Вся жизнь, — говорит малыш.

— А мы из Баку.

Возле памятника Петру Первому фотографируется много людей. И Боба с удовольствием снялся с новыми знакомыми, но ему не хочется так скоро уходить.

— Хотите, я с вами быстро сфотографируюсь, я ленинградец, — говорит он другим людям.

— Мы тоже ленинградцы, — отвечают они.

— И я ленинградец, — говорит Боба, — но мне надо идти.

И кто-то сейчас же обнимает его за плечи. Но когда группу сняли, тот самый парень, который обнял Бобу, вдруг удивленно спрашивает:

— А ты откуда тут взялся?

— Я ленинградец, — сказал Боба, — но мне нужно спешить.

— Ну, тогда другое дело, — говорит парень весело, — давай-ка я тебя на плечи посажу, пусть нас на память сфотографируют.

— Я лучше вам на плечи встану, а вы меня за руку держите, — предлагает Боба, — вы не беспокойтесь, я в носках полезу, — и стал разуваться.

— Так можешь в кадр не попасть, — говорит парень.

— А мне не надо, мне только бы слона увидеть, чтобы его из виду не потерять, а вы на меня внимания не обращайте.

— На тебя все внимание обращают, при чем тут слон?

— Вам ни при чем, а мне при чем, — говорит Боба.

— Ну, давай, лезь, лезь, авось получится, — и парень ставит Бобу на плечи, а Боба как заорет:

— Ой, солнце мне бьет в глаза, и ничего не видно, отпустите мою руку, чтоб я вдаль смотрел!

— Готово, — говорит фотографирующий. И Бобу спускают на землю.

— Поднимите меня еще раз, — просит Боба.

— Пленка кончилась, — говорит фотографирующий.

И тогда Боба обращается к другому очень высокому человеку:

— Не можете ли вы меня поставить на плечи?

— Вот еще не хватало, — возмущается высокий человек, — не собираешься ли ты залезть мне на голову? — и пятаится от Бобы в толпу.

А Боба бежит по газону к дереву. Он надеется увидеть оттуда слона.

Все фотографирующие бросаются фотографировать мальчика на дереве.

Уже раздался свисток сторожа.

Останавливается милицейский мотоцикл, и два милиционера направляются к дереву — постовой, от которого убежал Боба, и знакомый милиционер из зоопарка.

— Если мы не ошибаемся, мальчик, — говорит милиционер из зоопарка, — ты ищешь слона?

— А как вы узнали? — удивляется Боба.

— Ты ищешь слона, а мы ищем тебя. Вот и все. Пойдем к маме, она тебя ждет.

Милиционеры сажают Бобу в коляску,жимают друг другу руки и отдают честь. Мотоцикл уезжает, а постовой остается.

непрерывное движение: подкатывают миллицейские и пожарные машины, подвозят клетку-трейлер для слона. Здесь же директор зоопарка, сотрудники.

Окружают слона.

Вперед выходит Петр Васильевич.

— Ну что ж, с богом, начинайте, Петр Васильевич, — говорит директор зоопарка. — Вы себя до этого неплохо зарекомендовали.

— Ну вот, я тебя и нашел, Бобоша, — говорит Петр Васильевич слону. — Пойдем с нами домой. Пойдем, пойдем, Бобонька, не упрямясь, — но близко Петр Васильевич не подходит. Почему-то смотрит на деревья и как бы прикидывает, на какое дерево может посадить его слон. А деревьев здесь много.

— Смелее, смелее, — подгоняют Петра Васильевича.

— Не мешайте человеку работать, — говорит директор.

— Прошу не мешать, — говорит Петр, — отойдите все. Круг шире. Агрессивные намерения у слона видны сразу: во-первых, верный признак — хлопанье ушами, а во-вторых, пригибание головы...

— Вы не читайте нам лекцию, — говорит директор, — действуйте.

— Я... действую... — говорит Петр Васильевич, но близко не подходит.

— Возьмите его за ухо, — советует директор, — как вы это делали раньше, и подведите к машине.

— Раньше? — переспрашивает Петр.

— Ну раньше вы же делали это?

— Делал. А откуда вы знаете?

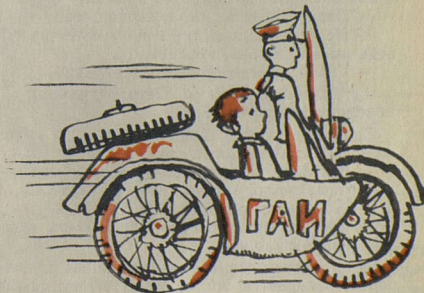
— Ну так возьмите его за ухо, что же вы стоите!

Тоскливо у Петра на душе. Не хочется ему брать слона за ухо.

Решившись, Петр Васильевич смело направляется к слону, берет его за ухо и так стоит рядом со слоном, боясь двинуться с места.

— Ну, ведите, ведите его к машине.

Но Петр Васильевич будто приторк к земле. Слон двигается к пруду, а Петр идет с ним рядом, покорно, робко держа слона за ухо.

ВЫ НЕ ЧИТАЙТЕ НАМ ЛЕКЦИЮ

В это время слон был в парке, среди деревьев у пруда. Несколько поваленных деревьев, вырванные кусты окружали его. Вокруг него

Слон входит постепенно в воду, и Петр Васильевич покорно идет за ним. Вот он уже по горло в воде и стоит так, держась за слоновье ухо.

— Не могу же я вытащить его оттуда за ухо, — говорит он растерянно.

— Разумеется, — говорит директор, — но зачем же вы его туда пустили с самого начала?

— Как же я его не пушу?

— Следовало бы вам проявить инициативу, — говорит директор, — а в данном случае проявил ее слон. Он повел вас, а не вы его.

— Энергично нужно было взять его за ухо, властно и уверенно, и тянуть не в сторону пруда, а обратно.

— Потянули бы вы, Матвей Матвеевич, за такое ухо. Это издали вам кажется — во, а на самом-то деле — во! Как одеяло.

— Ну, что теперь об этом говорить. Придется ждать. Одному только богу известно, когда он вылезет из пруда. Будем ждать, когда он закончит свою водную процедуру. Может быть, ему там еще рыбку половить захочется.

— Захочет есть — вылезет.

— И пойдет все громить кругом. Голубчик, Петр Васильевич, выручайте.

— Здесь, кажется, постепенно засасывает, — говорит Петр Васильевич испуганно.

— Да вылезайте же вы в конце концов оттуда, какой смысл стоять в этой воде, если вы не можете вытащить слона, — говорит директор.

Наконец слон сам выходит из воды. А следом Петр Васильевич, держась за его ухо.

— Опять слон проявил инициативу, — говорит директор, — все время он проявляет инициативу. Что же будет со всеми нами дальше?..

Все приходит в движение, наготове техника безопасности, пожарники в касках с брандспойтами наперевес, как будто они хотят лишь раз вымочить слона.

— Идите к нему наперехват, — советует директор.

— А дальше что?

— Ну, задержите его, скажите ему что-нибудь, повлияйте на него, на вас вся надежда, и вам отвечать, загоните его в клетку.

— Легко сказать... я, конечно, пойду, но...

— Не делайте трагедии и не будьте трусом, ведь вы же сто раз подходили.

— Сейчас совсем другая обстановка.

— Мы вас поддержим, Петр Васильевич, — подбадривают пожарники.

Слон и не думает никуда уходить. Он вылез из воды и стоит на солнышке, обсыхает.

— Вот вам цепь, — кидают Петру цепь, — обхватите его ногу цепью, пока он стоит.

— Но мне все равно его не удержать.

— Вам не придется его удерживать, цепь прикрепим к машине.

Петр Васильевич привязывает цепь к ноге слона, обливается потом, это для него самые

драматические минуты, потому что он страшно боится. Другой конец цепи привязывают к пожарной машине. Сейчас машина тронется с места и потянет за собой слона.

Но в это время слон обхватил хоботом дерево. Машина трогается с места и тянет слона вместе с деревом. Слон бросает дерево и останавливается, а колеса машины крутятся на месте, машина не едет. Слон оттягивает ногу назад, а потом тянет ее обратно вместе с машиной. Шофер вылезает из кабины.

— Нет, с ним шутки плохи!

На шоссе останавливают проезжающий транспорт со строительными плитами. Быстро сооружают заборчик из этих плит вокруг слона. А слон собирает все плиты в аккуратную стопку.

— Что-то надо предпринять решительное и энергичное, — говорит директор зоопарка, — требуются меры экстренные и бесповоротные.

— Слон меня будет слушаться, если не сегодня-завтра, то послезавтра, я в этом совершенно уверен, — говорит Петр Васильевич.

— И все эти дни мы будем здесь ждать, когда слон соблаговолит вас послушаться? Нет, так дело не пойдет, — говорит директор.

— А вы что предлагаете?

Но он ничего не может предложить.

Очень симпатичная девушка из зрителей обращается к Петру Васильевичу:

— Товарищ, вырвите для меня на память из кисточки слоновьего хвоста один волосок, все это так интересно, что не хочется об этом забывать всю жизнь.

Она оборвительно улыбается Петру Васильевичу. Она щелкает фотоаппаратом и обещает прислать карточку. Она умоляет вырвать из слоновьего хвоста волосок.

Не в силах ей отказать, находясь в состоянии полной растерянности, Петр Васильевич подбегает к слону и выдергивает из хвоста волос. И в ту же минуту летает далеко в толпу. Никто даже не заметил, как это произошло. Обиженный слон хлопает ушами и трубит с такой силой, что все разбегаются, а пожарники от растерянности обливают всех водой.

Вдруг звук более резкий и сильный забывает голос слона. Это звук реактивного самолета. Он проносится где-то рядом, и слон замолкает, поднимает голову и смотрит вокруг в полном изумлении и страхе.

— Спасибо реактивному самолету, — говорит директор, — в наше время они просто необходимы.

— Все обошлось, Матвей Матвеевич, — Петр Васильевич отряхивается, — все неплохо для меня кончилось.

— Ничего еще не закончилось, дорогой мой друг, — говорит директор, — все только еще началось. Не показывайтесь слону, спрячьтесь куда-нибудь. Из-за вас он и нас раскидает. Своим сувениром вы здорово напортили.

- Да, да, я спрячусь и... пойду домой.
- Пока останьтесь, мало ли чего...
- А чего еще?
- Я очень рад, что вы целы и невредимы, но нас одних тоже не оставляйте.

Обворожительно улыбается симпатичная девушка. Улыбается ей Петр Васильевич, ведь он не побоялся выдернуть для нее волос из кисточки слоновьего хвоста.

А ЕСЛИ ЭТО ТОЖЕ ДИРЕКТОР?

В самый критический момент словно из-под земли вырастает внушительного вида мужчина и авторитетно предлагает:

- Я мог бы вам помочь.
- Все смотрят с мольбой на спасителя.
- Я мог бы подействовать в данной ситуации, если удалось бы с вами договориться...
- Спасите наши души, дорогой мой человек, — говорит директор зоопарка, — обо всем договоримся.
- Прослышав о вашем слоне, я немедленно прикатил сюда.
- И правильно сделали, что прикатили, ради бога, не укатывайте обратно.
- Ведь есть специалисты, которые уведут слона...

- А вы разве не специалист?
- Собственно, я тоже могу...
- А вы, собственно, кто такой?
- Я директор цирка.

Директор зоопарка зашатался.

Уходит, ради бога, отсюда, — прошептал директор зоопарка, — и чтобы больше я вас никогда не видел!

Сконфуженный директор цирка проваливается как сквозь землю.

— Неудобно, ведь это директор цирка, — шепчет Петр Васильевич Матвею Матвеевичу.

— Хватит мне цирка! — вышел из себя директор, — да может, это и не директор.

УВЕРЕНИ

Выходит из толпы Марина и говорит:

— А я знаю, кто может повести слона.

— Откуда она может знать! — говорит директор. — Уберите отсюда детей подальше.

Марина что-то шепчет на ухо своему отцу. Отец подходит к директору и говорит ему что-то на ухо.

— Что за вздор, — удивляется директор, — какой мальчик? Неужели он нам может помочь?

...А Боба в это время у себя дома сидит на полу и играет с братом Вадиком в игрушки. Вадик сидит в манеже и все время пытается оттуда вылезти. Около них дремлет бабушка.

Вот в дверь звонят, и входит его знакомый милиционер, который нашел его в саду.

Малыш вскакивает, подбегает к милиционеру и здоровается с ним за руку.

— Мне нужен ваш сын, — говорит милиционер маме.

— Он что-нибудь натворил? — встревожилась мама.

— Когда натворил? — просыпается бабушка.

— Нет, нет, напротив, видите ли... ему как раз необходимо кое-что натворить...

— Где мой слон? — спрашивает малыш милиционера.

Милиционер говорит мальчику:

— Ты можешь привести слона обратно в зоопарк?

— Могу, — говорит малыш, — только я на казан.

— Видите ли... — обращается милиционер к маме, — ваш сын нам просто необходим... у него, видите ли, со слоном свои контакты...

— Опять этот слон! — говорит мама. — Ребенку там нечего делать. Приводите вашего слона как хотите.

— Нечего, нечего, — говорит бабушка, — как хотите...

— Надо всего лишь только, чтобы слон взошел по пандусу на трейлер...

— Мне эти ваши пандусы и трейлеры мало знакомы.

— Мало знакомы, — говорит бабушка, — нам незнакомы...

— Единственный выход — может быть, слон пойдет за мальчиком, — говорит милиционер.

— Не пойдет, не пойдет, — говорит бабушка.

— За мной слон пойдет, — говорит малыш.

— Ты уверен в этом? — спрашивает милиционер.

— Уверен.

— Почему ты уверен, что слон за тобой пойдет? — спрашивает мама.

— Потому что он за ними не идет.

— Это еще ничего не значит.

— Ничего не значит, — говорит бабушка.

— Значит, — говорит малыш.

— У тебя нет более твердых аргументов? — насмешливо спрашивает мама.

— Аргументов нет, — твердо отвечает малыш.

— Вы видите, какой у вашего сына твердый характер, — говорит милиционер. — Разве можно такого ребенка наказывать!

Мама, довольная, улыбается.

— У меня твердый характер, — говорит Боба.

— Он сам об этом твердо заявляет, — говорит милиционер.

— Я твердо заявляю, — говорит малыш.

— Мы все вас просим, — говорит милиционер маме.

— Мы все тебя просим, — говорит малыш.

— Ну хорошо, — говорит мама, — я с вами поеду.

— И я поеду, — говорит бабушка.

— Ты спи, спи, — говорит ей Боба.

— Да я еще и так не проснулась, — говорит бабушка, — я посплю, посплю...

Мчится по проспекту милицейский мотоцикл, в коляске маленький Боба с мамой.

— А я ведь слона обидел, — говорит Боба маме, — и он может со мной не пойти.

— Тогда и ехать нечего, — беспокоится мама, — не повернуть ли нам обратно?

— Сначала я с ним помирюсь, а потом мы поедem обратно, — говорит Боба.

...Такое количество разных людей. А слон, между прочим, сразу заметил мальчика и направляется к нему.

Пожарники и милиция в недоумении: к слону привели малыша.

Мама держит Бобу за руку, предупреждает:

— Я не отпущу его, имейте в виду. Не за этим я сюда приехала, чтобы отпускать его одного.

— Дайте мне мороженое, — говорит Боба. Кругом хохочут.

— Чего вы смеетесь? — возмущилась мама. — Сидели мы спокойно дома, приехали за нами, привезли и еще смеются...

Бобе покупают мороженое, Петр Васильевич в это время тоже покупает мороженое Марине, а мама продолжает возмущаться, и пока она возмущается, Боба бежит навстречу слону, дает ему мороженое, и слон идет за малышом в клетку.

Все ахают.

— Малыш в клетке! — все заматались. — Спасайте малыша!

Мама бежит вокруг клетки и зовет сына. Все кричат, волнуются. Пожарники обливают Бобу водой, и это ему нравится.

Боба говорит из клетки:

— Я с ним поеду.

— Зачем тебе с ним ехать?

— Я хочу с ним играть.

Директор зоопарка говорит ласково:

— Зашел в клетку, и умница, теперь выйди. Боба отвечает:

— А я не хочу.

— Ах, ты, наверное, не можешь выйти, все ясно.

— Это вы мне нарочно говорите, я знаю.

— Ну зачем тебе в клетке сидеть, сам подумай.

— Играть, а не сидеть.

— Поиграл немного, а теперь выходи.

— Я еще не играл.

— У тебя ведь мама, свой дом.

— Если я вылезу, дома мама меня опять накажет.

— Вылезай лучше, или я тебя сам накажу, — выходит из терпения директор.

— Как же вы меня накажете, если я не выйду?

— Ну хорошо, я тебя не буду наказывать.

— Я теперь никогда не выйду, чтоб меня не наказали.

— Посулите ему что-нибудь, — советуют директору.

— Если ты выйдешь, я тебе что-то подарю, — говорит директор.

— Чего?

— Ну... я пока не знаю чего... но я подумаю... и...

— А! Сами не знаете, а подарить хотите.

— Выходи немедленно, слышишь! — говорит мама.

НЕ ВЫЙДУ

— Не выйду.
 — Ну ты, наверное, не можешь, — говорит директор, — тебя слон не пускает.
 — Пожалуйста! — малыш выходит из клетки, но тут же заходит обратно. — Видали? Ничем вы меня отсюда не выманите.
 — Ну это уж слишком! — говорит мама. — Доставлять мне столько волнений! — Она стремительно вбегает в клетку, хватает за руку Бобу и выводит его оттуда.
 — А мама в сына! — восхищается один пожарник.
 — Сын в маму, ты хочешь сказать? — говорит другой.
 — Во, точно! — говорит первый.
 А слон между тем выходит за мальчиком, но под слонюм вдруг проваливается пандус.
 — Ну вот еще новости! — говорит директор.
 — Теперь слон ни за что не зайдет обратно, — говорит Петр Васильевич. — Если он раз провалился, он ни за что обратно не пойдет.

БОБА И БОБОША

— Везли бы их с мальчиком в конце концов: ничего бы не случилось, раз у них такая дружба. Теперь придется вести слона пешком.
 — Нечего было над нами смеяться, — говорит мама, — лучше дайте нам еще мороженого, да побольше. Неужели больше нет мороженого?
 Привозят лоток с фруктами. И Боба вместе с мамой подкатили лоток к слону.

— Между прочим, самое лучшее яблоко отсюда следует дать вот этой девочке, — говорит директор зоопарка, показывая на Марину, — это она догадалась позвать Бобу.

— Так это ты меня позвала! — удивляется Боба и выбирает ей самое лучшее яблоко.

Слон ест из лотка яблоки, а Боба с мамой в это время привязывают к ноге слона веревку.

— Пойдем, пойдем, Бобоша, — говорит Боба.

И слон трогается за Бобой. Гордо шествует малыш по проспекту, а за ним слон и все остальные... Инспекторы ГАИ на мотоциклах перекрывают транспорт.

Выходит слон на площадь, с любопытством ощупывает хоботом фигуры на колоннах, подходит к газетному киоску, пытается хоботом достать яркий журнал, продавец выскакивает из киоска, а слон раскачивает киоск, осторожно кладет его на бок, достает тот самый журнал и отправляет его себе в рот. Потом осторожно ставит киоск на место.

Малыш смеется над проделками слона, а все терпеливо ждут, раз малышу это нравится.

Потом слон ест лакомства, приготовленные ему в кузове машины.

Все это время малыш не выпускает из рук веревки. И снова движется по улице необычная процессия.

— Почему все-таки слон пошел за мальчишкой? — спрашивает директор Петра Васильевича.

— Он дал ему мороженое, только и всего.

— Выходит, мы не догадались дать слону мороженое?

— Может быть.
— Маловероятно.
— Кто его знает, может быть, слон больше всего на свете любит мороженое, а этот мальчишка просто угадал.

— Почему же вы не угадали?

Петр Васильевич пожимает плечами:

— Иногда, знаете, самые простые вещи с трудом приходят в нашу голову.

— С немалым удовольствием слон съел все яблоки, — говорит директор.

— Не забывайте, что слон все-таки мой воспитанник, — напоминает Петр Васильевич.

— Без вас, Петр Васильевич, не было бы всей этой истории.

Петр Васильевич вдруг запевает:

*— Здесь ничего бы не случилось,
Когда бы не было меня...*

— Правильно, — говорит директор, — и у слона должны работать только вы. Слон у нас теперь знаменитый, придет кто-нибудь другой, непременно начнет его дрессировать и начнет-ся все сначала, а вы, я надеюсь, больше не будете.

Маленькая девочка из зрителей закапризничала:

— Хочу вести слона! Смотрите, какой маленький ведет слона!

— Не давай ей, не давай, — подбегает Марина, — дай лучше мне повести.

— Давай вместе вести, — говорит ей Боба.

Он протягивает ей веревку, и они ведут слона вместе.

— Ты, наверное, будешь дрессировщиком? — спрашивает Марина.

— Нет, я буду милиционером, — говорит Боба. — Потому что дядя милиционер нашел слона, а потом меня, а потом попросил меня вести слона.

— Ты был тогда не виноват, — говорит Марина, — ведь слон не из-за тебя сбежал.

— Нет, из-за меня, — говорит Боба.

К ним подходит директор зоопарка:

— Во всем виноват слон. Ну как, не тяжело?

— Бобоша идет сам, мы его не тащим, — говорит Боба.

— Придется мне изыскать коммерческие возможности, — говорит директор, — чтобы отпустили слону мороженое в неограниченном количестве, хотя дело тут, конечно, не в мороженом...

Вот уже все подходят к зоопарку, и тут встречу — ко всеобщему изумлению — выбирает тигр. Помните, слон сбил замок с его клетки?

— А ты чего тут не видел? — неожиданно энергично накидывается на него Петр Васильевич, — а ну, марш на место! — и тигр, поджав хвост, бежит в клетку.

Конец

ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ

Эти снимки
сделал
в мастерской
художниц
наш фото-
корреспондент
Олег
Васильевский

На соседней
странице —
гобелен
«Белые ночи».

Их не три, а четыре. Инепрядут они, а ткут. И хотя за словом в карман не лезут, хотя и спорят порой, но очень дружат и этим тоже никак не похожи на девиц из пушкинской сказки.

Гобелен — это сотканный особым образом ковер. Родилось гобеленное искусство еще в XV веке, во Франции. Своим названием оно обязано знаменитому ткачу Жану Гобелену.

Молодые ленинградские художницы Марина Ганько, Наталья Еремеева, Инна Рахимова под руководством Ники Александровны Моисеевой решили возродить старинное искусство.

Вот в залах гостиницы «Ленинград» мы любуемся уже готовыми гобеленами. Перед нами — Петровская эпоха, рождение города на Неве. Здание деревянного Адмиралтейства в то время, когда там была еще верфь, — на воду спускаются быстроходные шлюпы. Кронверк Петропавловской крепости. Надуты ветром паруса десятков кораблей. Взвиваются в небо ракеты фейерверков. Пышные переплетенные гирлянды лент, гербы Орешка и Петербурга, флаг Адмиралтейства, роза ветров.

Как создаются такие картины?

Со стороны, на первый взгляд, движения рук художниц очень однообразны — поперечные нитки переплетаются продольными, обыкновенная штопка, разве что в увеличенном размере. Начинают снизу от пола: сперва девушки ткут сидя на корточках, потом садятся на стул, затем подкладывают на стул одеяло, чтобы сидеть повыше, потом стоят, потом забираются на леса, под самый потолок...

Но сначала еще идут долгие приготовления. Создаются десятки рабочих эскизов. Тщательно подбираются цвета ниток (иногда художницы сами их красят, но чаще отдают химикам).

Вопреки обычаю посиделок где что-то прядут или вяжут и одновременно узнают все окрестные сплетни, в этой ткацкой мастерской тихо, разве что играет приглушенная музыка, чтобы лучше сосредоточиться. Надо не только придумывать сочетания ниток, но и внимательно следить за силой их натяжения: чуть ослабнут — гобелен «поведет» в сторону.

Гобелю — украшение стены, и ни одна деталь не должна «вылезать» из общей картины. Из-

лишняя «объемность» тут не нужна. И в то же время нельзя, чтобы фон и изображение слились. Значит, подбирай тона.

А как их подбирают? Берут три серых нитки, одну голубую — тон холодеет. Берут три серых, одну сиреневую — тон теплеет. Чтобы один тон мягко переходил в другой, между двумя контрастными нитками пропускают нейтральную. Вот кончается «сиреневый» дом, дальше — река. Голубая. Тогда в голубую нитку прибавляют одну серую. Иногда и не объяснить, почему и отчего так делается, — чутье подсказывает.

Многое зависит и от того, из чего ткать гобелен. Можно — из мягкой шерсти. А можно и из обыкновенной пеньковой веревки.

Работают на расстоянии вытянутой руки, а смотреть на готовый гобелен будут с дальнего расстояния. Вот и приходится девушкам то и дело прыгать с лесов, отбегать, смотреть издали.

Ткать вручную гобелен — дело долгое. На ковер в сорок — пятьдесят квадратных метров уходит полтора года!

О. Колесова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
этакго ранка
С. Сахарова
Оформление
Р. Попова

Год издания 17-й

ДОМ С КРУГЛОЙ БАШЕНКОЙ

В Ленинграде много домов, где Ленин бывал, или, скрываясь от ищеек Временного правительства.

На Васильевском острове есть старинный дом с круглой Башенкой. Башенка — как сигнальный мостик корабля. На фасаде дома — мемориальная доска, золотые буквы — «Ленин». Раньше в доме был Морской кадетский корпус: обучали офицеров для царского флота. Но что же мог делать Ленин в Морском кадетском корпусе?

Май 1917 года. Трудные дни. Власть в руках Временного правительства, которое не дало народу ни мира, ни хлеба, ни земли... В мае по старому стилю большевики проводили общегородское партийное собрание. Понадобилось громадное помещение. Решили занять Столовый зал Морского корпуса — он вмещал несколько тысяч человек. Вход с улицы заняли вооруженные большевики, а начальники корпуса предупредили: мы в другие помещения корпуса не пойдём, и вы нам не мешайте... Кроме того, Васильевский остров — рабочий район, кругом заводы, фабрики. Всегда поддержат.

На этом собрании и выступал Ленин. Ленин доказывал коммунистам о VII (Апрельской) конференции большевиков, как перейти от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Наш клуб юных моряков существует уже три года. В КЮМЕ занимается около ста ребят. Есть у нас свой швертбот. Своими силами мы по-

плавостав: рейдовый катер, шесть пестельных ял, четыре прощальных скую практику мы проходим на Теге-е три года. В КЮМЕ занимается около ста ребят. Есть у нас свой швертбот. Своими силами мы по-

Гриша Николаенко, Караганда

КТО ПОБЕДИТ?

В Латвии все школы участвуют во вселатвийской игре «Любимы ли ты море?». Наш корреспондент Л. Никитина побывала в школе № 31 города Риги — он один на конкурсы-соревнований этой игры...

Конкурсные жюри вело счет времени на секунду... Болельщики волновались, толпились, кричали — они поддерживали своих и сбивали с толку соперников.

Ирис Иквалис за пять минут завязал сорок разных морских узлов! Иза Икшеле быстрее всех и ровнее наизнала на прут салагу для котючки, шестой класс показал силу и ловкость в перетягивании каната, пятый с блеском исполнил морской танец...

Космос науки

Судно идет полным ходом. Его ракетная установка наполняет ракету в зенит. Все уходит во внутреннее помещение корабля и задрывают стальные двери. Насосы подают на палубу воду, чтобы не возникло пожара... «Старт!» Ракета перекрывает все корабельские звуки. Орбитальное пламя вспыхивает на корме, и ракета уносится вверх. Теперь за ее полетом следят локаторы. А в лабораториях уже идет подготовка новой ракеты.

За три минуты ракета достигает высоты в сто километров и оттуда начинает посылать сигналы, которые сразу же расшифровывают судовые приборы. И вот на метеокатах ученые отмечают — здесь зона дождей, там — облака, тут — грозы.

Так на научно-исследовательском судне «Профессор Визе» с помощью метеорологических ракет изучают атмосферу и воздушные течения.

Борис Дружинин, инженер-аэрокол- н.-иссл. судна «Профессор Визе»
Фото Н. Талкина

Удивительное происшествие

БОЙ КОРАБЛЯ С ГУСЕМ

Мы с братом сделали катер величиной с утенка. Мой брат уверял, что наш катер лучше остальных корабельков. При всех мы завели ружьишкой и пустили корабль. Мотор работал превосходно. И вдруг мы заметили, что наш катер идет прямо не гусь с молодыми гусатами! Гусь не испугался и поплыл на наш катер. Завязалась битва. Гусь бил катер крылом и шипел, но катер шел вперед и только поначинался от удара. В конце концов гусь в ярости перевернула наш катер.

Мухаметши Разин, Азнакшево,
Татарская АССР

«НА МОРСКОМ ДНЕ»
Линкоравтора Толи Савина, Иркутск

Известно ли вам, дорогие читатели, как определить курс корабля? Как чинить рыболовные сети? Какие бывают орудия лова? Как найти в море коску рыб? Как приготовить ее и подать к столу? Ребята из тридцать первой школы это умеют.

Во многих латвийских школах шефы — или моряки, или рыбаки. Шефы школы № 31 — рыболовецкий колхоз «Девятое мая». Шефы приходят на уроки и на сбор дружины. Летом берут ребят с собой в море. А рыбу, к примеру, обрабатывали и сети чинить девчонки учились в колхозных мастерских. Поэтому и неудивительно, что Иза Икшеле, с которой мы уже познакомились, на вселатвийском конкурсе приготовления рыбы получила премию — 50 рублей...

Однако наступила тишина... тс... Жюри подсчитывает очки... Кто-то победит?

Знаете, почему о ваших рисунках сегодня говорят не художники, а педагоги, актеры, режиссер.

В ленинградском ТЮЗе бережно хранят рисунки юных зрителей. И актерам, и педагогам важно выяснить, как, например, поняли малыши «Сказки» Пушкина. Ведь на сцене нет ни моря настоящего, ни волн — все это изображают актеры. Понятно ли это зрителям? Никто до спектакля не объясняет им, что театральный язык — «условный», что зрители сами должны участвовать в игре, затаенной театром. Актеры показывают, изображают волны, а зрители своим воображением должны дополнить, домыслить увиденное...

И вот после спектакля появляются рисунки. В младших классах так обычно и рисуют — синее море, синие волны, дерево, медведя, а не актера, играющего роль медведя. Значит, язык спектакля понят.

Галина Георгиевна Мурашова, педагог театра:

Есть у нас такое понятие — «последействие». Что оно означает? Спектакль закончился, дети разошлись. А что их взволновало, что «застряло» у них в сознании? Обычно мы не расспрашиваем зрителей сразу после спектакля, что да как, а даем им время подумать. В работах тех, кто смотрел пьесу Р. Погодина «Трень-брень», главным цветом стал ярко-рыжий: рыжая не только героиня, но и дома, и деревья. Ребята почувствовали, что рыжий цвет волос героини — это ее непохожесть на других, ее особенность — такой же герой спектакля, как и другие действующие лица.

Ольга Николаевна Мурашко, педагог театра:

Вот рисунки к спектаклю «Наш Чуковский».

Почему в «Тараканище» таракан нарисован огромным, больше медведей? А воробей еще больше таракана? Да потому, что эти ребята решили, что уничтожить огромное зло — таракана — может только герой. И, конечно, он самый главный на рисунке.

Правда, Тараканище рисуют и по-другому. Четвероклассница Лена Лебедева увидела таракана таким, каким он явился к зверям в действительности, — маленьким. И таким изобразила его. А пунктиром увеличила его до небывалых размеров. «Пунктирный» таракан — это тот образ, который создали сами звери. Бараны, козлы, поющие славу, метущие своими бородами дорожку. Они сделали его великаном. А прилетел обыкновенный воробей и съел таракана.

Лена точно передала смысл сказки.

Программа спектакля «Наш цирк» предупреждает зрителей, что на сцене не настоящий цирк, а только игра в цирк. И вот в рисунке Ники Вальшонак появляется даже то, чего нет в спектакле, — нарисована проволока. А как же — играете в акробатов — пожалуйста, ходите по проволоке... Нет, не по настоящей — ее можно просто «полюжить» на пол.

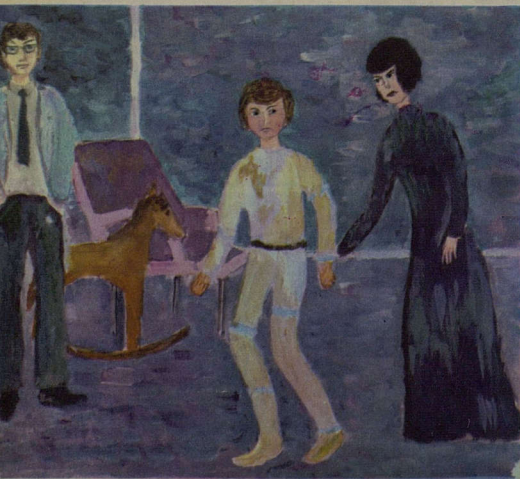

«РАДУГА ЗИМОЙ»
Таня Преображенская, 12 лет

ПОВОРОМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

«ТАРАКАНИЩЕ»
Лена Лебедева, 10 лет

«ТИММИ,
РОВЕСНИК МАМОНТА»
Лена Блауне, 12 лет

Антонина Николаевна Шуранова, актриса:

В нашем театре такой обычай — после выхода нового спектакля зрители поздравляют актеров рисунками, посвященными их премьере.

В спектакле «Тимми, ровесник мамонта» нам хотелось, чтобы зритель почувствовал в Тимми человека, очень одинокого в новом для себя мире. Кто видел спектакль, те знают, как пылливо выглядывается Тимми во все новое, с чем встретился, путешествуя во времени. И зрители поняли стремление маленького неандертальца к хорошему, человеческому. Поэтому на рисунках нет обрешенного шерстью маленького дикаря, а есть тоненький, с грустными глазами мальчик.

Эти рисунки точно передают замысел артистки Ирины Соколовой, исполняющей роль Тимми.

Зиновий Яковлевич Корогодский, заслуженный деятель искусств, главный режиссер театра:

Нам дороги ваши рисунки, мы много узнаем из них. Рисунки — своеобразный компас, помогающий ориентироваться в работе. И вам самим рисование тоже на пользу — суметь выразить свое впечатление в красках, в карандаше — значит, вернуться к минуте радости, к полученному в театре удовольствию. Это всегда приятно, и нам, взрослым, тоже.

Замечательно, если человек умеет говорить, рисуя: значит, в нем есть любовь к творчеству, а это очень важно в жизни! Любое дело надо творить с выдумкой, с интересом. Искусство мы любим потому, что оно воспитывает в нас это самое творческое воображение. Владимир Ильич Ленин говорил, что мечта и фантазия нужны человеку любой специальности... Развивать мечту и воображение с детства помогают рисунки. Поэтому — рисуйте, рисуйте не только пейзажи, но и попробуйте любое свое сильное впечатление перенести на бумагу — как гуляли в лесу и как катались в парке на «чертовом колесе», как первый раз упали с велосипеда и как увидели первый гриб... Конечно, можно нарисовать все то, что запомнилось из прочитанной книги, кинофильма... Только не надо думать, что ваш рисунок сразу же обязательно должен быть напечатан в журнале. Надо больше рисовать для себя, и тогда может получиться, что ваш рисунок будет интересным и для других.

Во время каникул наш театр посещают школьники и из других городов страны — нам бы хотелось и от них получить рисунки. На худой конец, не умеете рисовать — напишите просто письмо, а мы вам ответим.

Со стен фойе, со стен длинных коридоров, по которым артисты идут на сцену, на нас смотрят и живут новой для них жизнью герои юзовских спектаклей...

Вот закованный в латы Гамлет. Наверное, юный художник полюбил героя и захотел его спасти! Ведь в латах человека убить труднее.

Вот старик с неводом. Добрый-добрый, может быть, он похож на дедушку юного художника? Ведь на актера, играющего эту роль, старик совсем не похож.

В рисунках к спектаклю «Гибель эскадры» у художника не нашлось светлых красок. Трагизм событий он попытался передать только темными тонами.

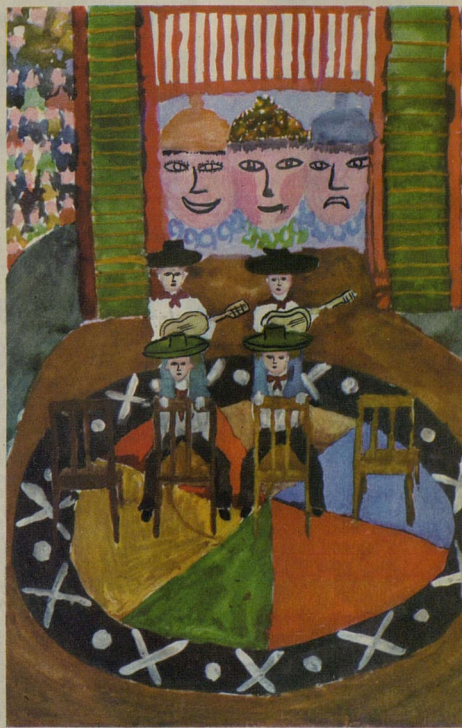
О многом говорит каждый рисунок. И не только о самом спектакле, но и о характере того, кто в этих рисунках передал свое отношение к тому, что увидел.

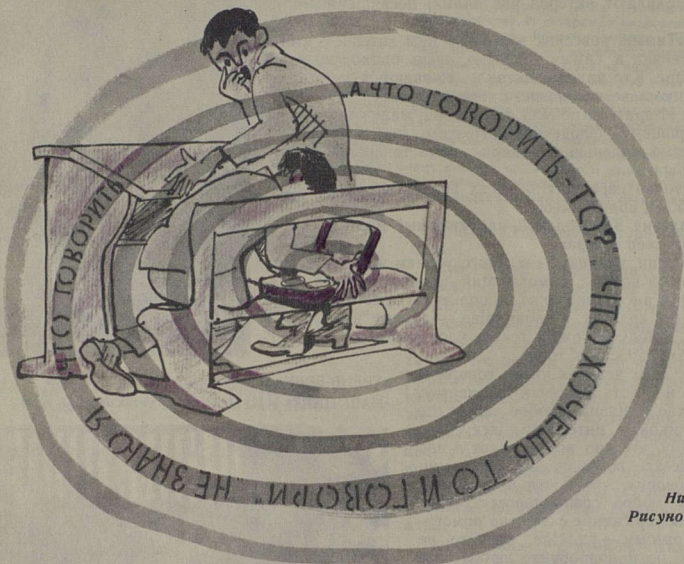
Записала Л. Будашевская

«ТРЕНЬ-БРЕНЬ»
«НАШ ЦИРК»

*Боря Любнер, 12 лет
Юля Крутикова, 11 лет*

Николай Федоров
Рисунок Н. Муратова

В тот день я пошел учить уроки к Юрке.

Юрка открыл дверь и стремительно потащил меня в комнату. На столе, сияя никелированными пластинами, стоял магнитофон. Но не просто магнитофон, а переносной транзисторный, чуть больше коробки из-под пирожных.

— Гляди, — сказал Юрка, — дядя Игорь подарил. «Орбита» называется. Ух, теперь заживем! Хочешь музыку записывай, хочешь — себя. А главное — переносной. Идешь так по улице, а он тебе песенки играет.

И Юрка, взяв магнитофон, изобразил, как бы он шел по улице.

— Но ты еще самого главного не знаешь, — продолжал он. — Скоро мы с тобой отличниками станем. Круглыми. Ты что-нибудь про обучение во сне слышал?

— Вроде слышал.

— Ну так вот. Записываем на пленку какой-нибудь параграф, включаем магнитофон и ложимся спать. Просыпаемся — и все выучено. Уловил? А теперь давай я тебя запишу. Послушаем, какой у тебя голос на магнитофоне.

Юрка достал магнитофон, подключил его и, покрутив какие-то ручки, сказал:

— Ну, говори.

— А что говорить-то? — спросил я.

— Что хочешь, то и говори.

Но у меня в голове, как назло, ни одной мысли. Слова все куда-то разбежались.

— Не знаю я, что говорить, — сказал я.

— Ну хоть полай.

Я залаял.

— Хватит, — сказал Юрка. — Разлаялся. Ты лучше спой чего-нибудь.

— А чего?

— Откуда я знаю. Чего-нибудь.

— У меня же слуха нет.

— Это неважно. Не для радио записываем.

И я как можно громче запел:

— Ромашки спрятались, завяли лютики...

Но тут Юрка стал хихать, и я перестал петь.

— Теперь послушаем, что получилось, — сказал он.

Запись вышла хорошая, и мы смеялись до слез. Особенно здорово записалось мое пение и Юркины чихи.

— А сейчас за дело, — сказал Юрка. — Что нам там на завтра учить?

— Я думаю, с географии надо начать. Помнишь, Анна Михайловна грозилась тебя спросить. Да и у меня всего одна троечка.

— География так география, — бодро сказал Юрка. — Что там задано?

— Реки в Западной Сибири.

Я открыл учебник, и Юрка медленно, с выражением прочел страницу об этих реках.

— А теперь спать.

Он лег на кровать, я на диван. Сначала я слушал записи, потом перестал, но уснуть не удавалось.

— Юрка, — сказал я, — не уснуть никак.

— А ты постарайся, — ответил он с кровати. — Учиться всегда тяжело.

— Магнитофон мешает, — сказал я.

— Мне тоже мешает, — признался он.

— Знаешь что, — сказал я, — давай пока его выключим. Когда я усну, ты его включишь. И я один во сне поучу. Потом ты меня разбудишь. Тогда я подежурю, а учить во сне будешь ты.

— Идет, — сказал он.

Магнитофон замолчал, и сразу стало так хорошо, тихо...

Разбудила нас Юркина мама. На улице уже горели фонари, а по телевизору должен был начаться детективный фильм.

— Чего-то я ничего не запомнил, — буркнул я.

— А ты и не мог ничего запомнить, — мрачно сказал Юрка. — Пока я ждал, когда ты уснешь, я и сам уснул. А магнитофон молчал.

— Что же делать?

— Есть идея. Тебя ведь завтра не обязательно спросят.

— Могут и не спросить.

— А меня точно спросят. Так вот. Берем завтра в школу магнитофон с записью этого материала. Когда географичка меня вызовет, ты незаметно включаешь магнитофон, и все думают, что я отвечаю.

— Но ведь ты должен будешь рот открывать?

— Ерунда. Рот я открывать буду. А чтобы не заметили, что слова с губами не совпадают, я голову понизже опущу. Будто думаю.

Я согласился, и мы пошли смотреть телевизор.

На следующий день география была первым уроком. Мы с Юркой сидим на последней парте, и замаскировать магнитофон было просто. Все расселись, вошла Анна Михайловна и первым, как мы и ожидали, спросила Юрку.

— Сейчас Петров расскажет нам про реки в Западной Сибири, — сказала она.

Юрка встал, опустил голову и зашевелил губами. Я врубил звук от отказа и включил магнитофон. Через несколько секунд оттуда послышался мой сдавленный голос: «А что говорить-то?» «Что хочешь, то и говори», — отвечал Юркин голос. «Не знаю я, что говорить», — сказал мой голос. «Ну хоть полай», — сказал Юркин голос. Я похолодел. Юрка перепутал кассету, и вот из магнитофона на полную громкость неся наш дурацкий пробный разговор.

— Выключай скорей, балда! — шипел Юрка.

Но я так растерялся, что забыл, как это делается. Кассета крутилась, я лаял, пел про лютики, Юрка хихал, а в классе стоял такой хохот, что я думал, стены обвалятся. Даже Анна Михайловна так смеялась, что не поставила Юрке двойку.

После этого мы решили учить уроки по-старому. Но на магнитофон мы не в обиде. Магнитофон — вещь хорошая.

КАЗАК В ПАРИЖЕ

Вскоре после того, как русские войска, разгромившие Наполеона, вошли в Париж, казачьему атаману, легендарному Платову, довелось прогуливаться по улицам французской столицы.

Он заметил в витрине цветные фотографии и остановился их рассмотреть. На одной из них был изображен мчащийся во весь дух от стен Парижа казак.

— Не правда ли, мсье атаман, и так нередко бывало? — подмигивая

Рисунки М. Беломлинского

толпе, обратился к Платову человек в мундире наполеоновского офицера.

— Бывало, сударь, бывало, — согласился Платов. И продолжал, разглядывая картинку: — Эй славно мчит молодчик, торопится ко мне с доносением о взятии Парижа!

УЧИТЕЛЬ И КОРОЛЬ

Немецкий поэт Геснер в молодости был учителем. Как-то раз он проводил урок на открытом воздухе, рассказывая детям о различных породах деревьев. Незаметно из-за кустов по-

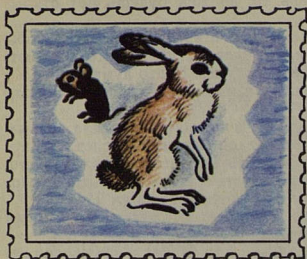
явился король Фридрих II и стал слушать. Увидев короля, Геснер слегка притронулся к шляпе и далее до конца урока не обращая на Фридриха никакого внимания.

Когда дети были опущены, рассерженный король сказал:

— Почему ты не приветствовал меня как подобало?

— Ваше величество, — ответил пов-тучитель, снимая шляпу и кланяясь, — если бы я стал кланяться вам при детях, они бы подумали, что есть на свете osoby важнее, чем их учитель.

Раздел ведет писатель Н. Сладков

Оформление Ю. Бочкарева

Спешите увидеть первых весенних бабочек: крапивиц, лимонниц, траурниц.

Спешите услышать песни первых зябликов, зорьнок, дроздов.

Спешите понюхать первые цветы мать-и-мачехи, перелески, волчьего лыка.

Спешите развесить дуплянки и скворечники.

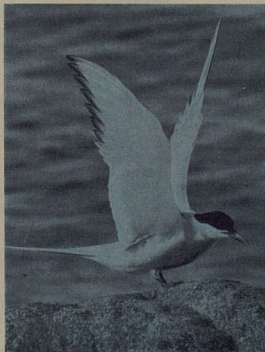

МИГ

ПОЛЯРНАЯ КРАЧКА

На снимке — та самая знаменитая крачка, которая за год успевает облететь вокруг Земли. И еще птенцов выкормить. Гнездится она у нас по берегам полярных морей, а на зимовках ее встречали в Австралии. Вот и посчитайте: 20 000 км туда да 20 000 обратно. Без карт, без компаса!

В. Михайлов

В МИРЕ ШЕСТИНОГИХ

МИРНЫЕ СОСЕДИ

На южном склоне ущелья, на клочке земли, свободном от булелома, совсем близко друг к другу, на расстоянии трех шагов расположились два муравейника. Уже издали я вижу, что один из них принадлежит рыжему лесному муравью, другой — рыжему тонкоголовому муравью. Необычайное соседство! Как рядом могли ужиться два непримиримых врага? Ведь муравьи разных видов всегда враждуют друг с другом.

Я внимательно присматриваюсь к муравейникам. У каждого муравейника, оказывается, свои обособленные тропинки, и они проложены так, чтобы не мешать соседям. Поэтому муравьи-соседи не сталкиваются, не вступают в единоборство, а мирно расходятся в разные стороны по своим тропкам.

В этом густом лесу очень много поживы и очень мало муравейников. Охотничьи угодья велики, и муравьям хватает пищи. Зачем же тогда враждовать? Ведь не из-за неуживчивости и сварливости затевают муравьи опустошительные побоища между собою. Голод — вот главная причина их распри!

П. Мариковский

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ

СПЛЮШКА

Сова ростом со... скворца! По ночам кричит: «Сплю! Сплю!» А сама не спит, охотится. Ловит nocturnal насекомых. Спит она днем. А чтобы никто не мешал спать, прячется в самые потайные места.

Гнездо делает в дуплах. Не боится гнездиться рядом с жильем человека. Не пугайте сплюшку: саду и лесу от нее только польза.

А. Лухтанов

КТО В ОЗЕРЕ ЖИВЕТ

Поднял дед что-то с берега, посмотрел на озеро и говорит:

— Без ухи не останемся, готовы удочки! И лещ, и плотва, и щука, и ерш, и окунь в озере!

— Вы что, дедушка, раньше тут ловили? — спросил я.

— Никогда! — улыбается дед. — Первый раз в жизни.

— Так откуда же вам известно про щук, окуней, лещей и плотву?

— А вот! — протянул дед ладонь. На ладони лежали рыбки чешуйки. Дед собрал их у старого костра рыболовов. — Знай: у каждой рыбы своя чешуя!

Я зарисовал тогда:

Очень советую составлять альбом рыбных чешуек. Пригодится!

КОСТЯ ТЕРКИН

НЕОБЫЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ПЕСНЯ МАШИНКИ

Солнечным апрельским утром я спешил домой: уходил да вспомнил, что забыл закрыть окно. И уже издали услышал дробный звук своей пишущей машинки: так и есть, забралась!

С порога громко крикнул: «Кто там?»

Никто не ответил. А машинка стучала! Не сама же она работала? Кто-то в квартире был. Кто-то залез без спроса, открыл машинку и печатал. Я рванул дверь в комнату. Пусто. Машинка закрыта чехлом.

Что за наваждение! Не могло же мне показаться, ведь я хорошо слышал стук клавиш?

Тут опять раздались знакомые звуки! Но уже... за окном!

Около скворешни сидел скворец и между свистами строчил, подражая стуку машинки! И так точно, что даже слышался звук передвигаемой каретки.

Это я любил работать у открытого окна; скворец и научился меня пердразнивать.

М. Заерев

ПОЧТА «ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ»

ПОЧТА «ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ»

«Здравствуй, дорогой КОСТЯ!

Ты, КОСТЯ, посоветовал собирать пословицы и поговорки о природе. Этим я занимаюсь уже давно. Насколько пословиц я посылаю тебе. Если они тебе понравятся, то добавь их в своей коллекции.

Гаяля Пянова, Белгородская обл.»

Добавляем с удовольствием!

«РЫЖАЯ ЛИСИЦА, ЧЕРНАЯ ЛИСИЦА — ВСЕ РАВНО ЛИСИЦА».

«КРАСОТА МУХОМОРА МУХ НЕ РАДУЕТ».

«РЫБУ ДОЖДЕМ НЕ НАПУГАЕШЬ».

«КРОТУ ПАДАТЬ НЕКУДА».

ЧТО ЗА ДЕРЕВО?

А верно, что это за дерево? Догадайтесь и напишите нам. Снимок сделан в городе Севастополе, в феврале, при температуре ноль градусов.

Г. Тимохин

ВЕСЕННЯЯ ТРОПИНКА

Весна пришла!

Небо стало ярким, чистым, высоким, но земля все еще тусклая и неуютная: на дорогах грязь непролазная, поля бурые, луга седые от прошлогодней травы.

И только тропинка, бегущая через эти унылые и серые луга, веселая и ярко-зеленая. По этой тропинке, наверное, и пришла к нам весна.

А. Зимин

ПОЧТА «ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ»

«У меня дома живет ежик. Его зовут Егорка. Он очень интересно бегает по комнате. Встает на лапы и делается очень высоким. Его можно гладить, и он любит, когда его гладят. Напишите, можно ли купать ежей?»

Юра Лепыгин, г. Моршанск»

Купать ежа не надо, а вот блюдце с водой ему поставь: он сам побарахтается в нем, когда захочет.

ремнях. Бегать — это можно устроить. Например, я собираюсь бегать по огороду...

Правда его норма пока что маловата — он бегаёт по утрам 6 кругов по 10 метров. В сумме — 60 метров. Не густо! Но не беда, начинать можно и с малого... Тем более что дальнейшие планы у Саши самые дерзкие и правильные:

«...и я решил так: в школу бегом, из школы бегом. И так, по делам — тоже бегом, а не на велосипеде».

С таким настроением Саша наверняка добьётся хороших, даже отличных результатов! Но вот ещё конверт.

Что же пишут девочки из восьмого класса «а» школы № 2 города Павлодара, из Казахстана?

«Нас взволновало то, что в нашем классе ГТО сдали всего навсего три человека, да и то девочки, а мальчики всегда в стороне. Кросс сдавали — тоже явилось восемь девочек, мальчиков опять не было».

В краску бросает за этих мальчиков, которые, как видно, не дорожат своим мужским достоинством. Пусть-ка они призадумаются, какими они хотят вырасти, если не в

состоянии будут ни речку переплыть, ни, когда нужно, препятствие преодолеть, ни пробежать столько, сколько окажется необходимым...

И дело тут совсем не в том, что у этих «героев» слабое здоровье или им не дается легкая атлетика, как иногда с кем-нибудь случается. Отнюдь нет. Как раз в таких случаях ребята тренируются и добиваются рано или поздно больших успехов. Пусть даже и не сразу. И пишут нам об этом письма. Просят совета. Даже иногда советуются с врачом, если это необходимо. Но эти ребята ХОТЯТ сдать нормы ГТО. А что же наши «герои» из Павлодара? Да им и дела нет до прыжков, бега и метания мяча...

Но эти мальчики — печальное исключение, а ребята у нас растут здоровые и сильные, а вырастут — действительно ГОТОВЫЕ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ.

И мы будем все чаще и чаще получать такие письма, как от Кости Пименова из Ярославля:

«Выполнил норму на золотой значок по бегу и прыжкам в высоту, тренируюсь дальше...»

Ф. Чирсков

ЗОЛОТЫЕ ЗНАЧКИ... И ВДРУГ НЕДОУМЕНИЯ

ОБЗОР ПИСЕМ

По всему видно, что призыв КОСТИ ТЕРКИНА (смотри «Костер» № 9 за 1972 год) всем пришелся по душе.

Бегать быстрее и дальше всех, плавать не уставая, решительно и умело преодолевать препятствие — кто этому не позавидует!

И вот первые результаты: кое-кто уже выполнил нормы на золотой значок. Ну а если не по всем видам, то по какому-нибудь одному. Уже успех!

Многие ребята даже жалеют, что зима на дворе и речка замерзла, — а то ГТО по плаванию хоть завтра бы сдавать.

А если нет стадиона, беговой дорожки, не беда — можно бегать и вокруг огорода. Вот, например, что пишет Саша Полижаевский из села Георгиевка Омской области:

«Дома у меня только есть турник, и то он в кладовке на

Рисунки А. Януса

ОДНАЖДЫ ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ

Серафима Юрева

Уже подбегая, Юра все увидел. Плот сорвало с колышка и отнесло далеко от берега. В один его край вцепились маленький Алдес с Юлкой, и этот край ушел в воду. На накренившемся плоту сидит перепуганный трехлетний Ага.

Юра уже подплывал, когда малыши Ага прыгнули с плота и ушел с головой в воду. От этого плот поднялся почти совсем вертикально — вот-вот накроет тех двоих. Рывок — успел выхватить Агу из воды и взвалить на спину. Свободной рукой подсадил на плот Алдеса — плот немного выровнялся. Потом обхватил поперек тела Юлку, оторвал ее от плота и поплыл к берегу. Если это, конечно, можно назвать «поплыл» — руки заняты, работают одни ноги, ребятам вцепились как попало... Тяжело... Юре Прохорову только двенадцать лет от роду.

Ну вот, все-таки доплыл. И снова в воду, за Алдесом.

С одним Алдесом плыть было легче. На берегу Юра скинул мокрые тапочки, выжатые джинсы положил на траву и взялся отжимать рубашку. Совсем неожиданно рядом раздался дружный рев. Это спасенные малыши, испуганно молчавшие несколько минут,

вдруг все вместе заплакали. Заплакали громко, горестно, с всхлипами и потоками слез. Вот и все. Молодец Юра!

Правда?

Нет, еще не все.

Юлькины родители устроили в честь Юры чай. Юра из приличия выпил немного чая, лизнул ложечку варенья, взял конфетку, но ему ничего этого не хотелось, а очень хотелось удрать. Где-то ходит брат Алеша. Он ничего не говорит, но Юра точно знает, Алешка жалеет, что в лес пошел, он бы тоже поплыл за малышами, они ведь вместе ходят в детскую спортивную школу плавания «Динамо». Юра на год помладше и, может быть, чуть-чуть послабее, хотя плавает он немного лучше — был уже чемпионом всесоюзных заочных соревнований «Веселый дельфин».

Теперь-то уж, наверное, все? Да? Оказывается, нет. Опять не все.

В детскую спортивную школу «Динамо» пришло письмо. Родители спасенных детей просили поблагодарить Юру и его тренера.

И тут началось...

ЖЕНЩИНА-ТРЕНЕР сказала, что Юра герой, что даже

взрослый сильный пловец с двоими мог бы не дотянуть на одних ногах...

МУЖЧИНА-ТРЕНЕР сказал: «Нормальный парень, все сделал, как полагается».

ЖЕНЩИНА-ТРЕНЕР немножко обиделась: «Юра Прохоров исключительный мальчик — ходит в магазин за покупками, сам гладит брюки себе и чистит ботинки (без напоминания!), за три месяца овладел четырьмя видами плавания, несколько раз был чемпионом и школы, и «Веселого дельфина», круглый отличник... и еще, и еще...»

МУЖЧИНА-ТРЕНЕР тогда сказал: «Ерунда все это, парень, как парень, я ж говорю, самый нормальный хороший парень. Бывает, и замечание схватит. И вовсе не совсем круглый отличник — ничего плохого нет в том, что у него есть и четверки. Плавает, правда, отлично и скромный — сам об этом случае не рассказывал. Когда пришло письмо, я ему объявил благодарность перед группой».

А ЮРА? Юра пожал плечами и сказал: «Да там было не очень далеко, метров двадцать пять, не больше... Каким стилем? Наверное, кролем, я то-

гда не раздумывал, просто кролем быстрее всего».

У Юры второй взрослый разряд. В соревнованиях он выступает по комплексному плаванию: баттерфляй (ина-

фляй («дельфин»). Брат Алеша предпочитает брасс.

БАБУШКА ПЕТРОВНА сказала, что если бы дети утонули, виноват был бы товарищ К.

че — «дельфин»), на спине, брасс, кроль. Иногда четыре по пятьдесят, иногда четыре по сто. Вам понятно? Каждые пятьдесят или сто метров — одним стилем. А вообще ему больше всего нравится баттер-

Все очень удивились. Почему К.? Какой К.? Не было там никакого К. Но бабушка Петровна говорила совсем серьезно, и мы от нее узнали, что Юра с Алешей давно любят плавать, но, конечно, плавали по-своему.

Бабушка повела их в бассейн. Посмотрели там, как они плавают, сказали «хорошо», выдали пропуска, назначили дни и часы. Какие это были счастливые дни и часы! Но на третий день уже счастье кончилось. Алеше сказали: «Больше не приходи». А Юра наглотался воды во время заплыва, схватился за канат, чтобы откашляться и глотнуть воздуха. В это самое время его и спросили: «Можешь плыть?» Он замотал отрицательно головой, тренер К. сказал: «Выходи из воды и больше не являйся».

Алеша сказал бабушке в вестибюле: «Не знаю почему... Мы себя вели хорошо...»

А Юра даже заплакал.

Из-за того, что мальчики хорошо держались на воде, их зачислили в группу, которая плавала второй год. Это было несправедливо.

Но бабушка долго жила на свете и хорошо знала, что справедливых людей больше, чем несправедливых, и отвела внуков в другую школу.

Теперь, когда школы соревнуются, Юра и Алеша получают грамоты и призы, их тренеры встречают К. и говорят: «Что, проморгали чемпионов? То-то!»

Фото Дм. Варушина

Успех Рыцаря

В Амстердаме на первенстве мира по шашкам среди юношей серебряным призером стал рыцарь АРЧЕБЕКА, десятиклассник 27-й школы Тбилиси, Борис ШАВЕРДЯН. Трижды салют доблестному архебековцу!!!

А. Лосев
ОХОТА
Клоунада

Рисунок
Г. Ясинского

Как устраивают-
ся представления
в Театре «Уголь-
ка», смотри в «Ко-
стр» № 2.

ОХОТА

Действующие лица: ЛЕНЯ
МИША
МЕДВЕДЬ

Выходят ЛЕНЯ и МИША. У МИШИ большое ружье.

МИША. Ну вот, теперь нам никто не мешает, самое время выследить дичь...

ЛЕНЯ. ...изжарить, подстрелить и съест!

МИША. Ха-ха-ха! Ты все перепутал. Съесть, подстрелить и изжарить!

ЛЕНЯ. Что-то опять не то... Давай повнимательней. Подстрелить...

МИША. Изжарить...

ВМЕСТЕ. И съест!

МИША. Да, неплохо бы нам встретить куропаточку!

ЛЕНЯ. Что ты, на двоих нам нужен по крайней мере глухарь.

МИША. Тсс.

ЛЕНЯ. Что тсс? Где тсс?

МИША. Там тсс, в кустах.

ЛЕНЯ (*шепотом*). А какой тсс?

МИША. Большой. Наверное, глухарь. Дай-ка я его из ружья.

ЛЕНЯ. Нет, это уж я его.

МИША. Тогда вместе.

ЛЕНЯ. А как?

МИША. Ты будешь целиться, а я курок нажимать.

ЛЕНЯ. Давай!

МИША. Раз... два...

Выстрел.

МИША. Я уже.

ЛЕНЯ. А я еще не поцелился.

МИША. Ну, ты пока целйся, а я пойду подберу моего глухаря.

ЛЕНЯ (*довольный*). Вот теперь я вволю поцелюсь. А потом разведу костер — глухаря жарить.

Возвращается МИША. В руках у него старый валенок.

ЛЕНЯ. Принес?

МИША. Принес.

ЛЕНЯ. Крупный?

МИША. Крупный — сорок восьмого размера!

ЛЕНЯ (*с удивлением рассматривает валенок и утешает приятеля*). Зато здорово мы его подбили.

МИША. Да, попали здорово — шкуру нигде не попортили!

ЛЕНЯ. Ни в одном местечке!

МИША. Неужели мы без добычи домой вернемся?

ЛЕНЯ. Эй, найди бы медвежье гнездо!

МИША. Или заячью берлогу!

ЛЕНЯ. Прицелился и... (*с ружьем в руке показывает, как он будет прицеливаться*)... бах!

Внезапно ружье в руках у ЛЕНИ стреляет. ЛЕНЯ от неожиданности садится прямо на землю.

МИША. Что же ты наделал! Это был наш последний патрон!

ЛЕНЯ (*на земле*). Не беда! Все равно нужно другое ружье. Это стреляло неправильно.

МИША. Правильно!

ЛЕНЯ. Нет, не правильно!

МИША. А я говорю, что правильно, что неправильно.

ЛЕНЯ. Что правильно, что неправильно?

МИША. Правильно, что это ружье стреляет неправильно. Подожди меня здесь, сейчас принесу другое. (*убегает*).

ЛЕНЯ (*продолжая сидеть на земле*). А я пока буду дальше песню сочинять.

(Поет).

Зачем я в лес несу ружье?

Чтоб убивать в лесу зверье.

Какое зверье? Белочку, что ли? Рыженькую? С пушистым хвостиком? Жалко... Попробую по-другому.

(Поет).

Зачем я в лес ружье несу?

Чтоб застрелить в лесу лису.

Лису? И она — рыженькая. И она — с пушистым... Нет, тоже жалко, пусть бегаёт.

(Поет).

Зачем со мной в лесу двухстволка?

Чтоб застрелить злодея-волка.

А вдруг это не волк, а овчарка. Они ведь очень похожи.

Незаметно к ЛЕНЕ подходит МЕДВЕДЬ и трогает его за плечо.

ЛЕНЯ (*не оборачиваясь*). А, Мишка, это ты? Ружье принес?

МЕДВЕДЬ негромко рычит.

ЛЕНЯ. Чего ты там себе под нос бормочешь, говори громче!

МЕДВЕДЬ рывкает. ЛЕНЯ вскакивает, с воплями бежит от МЕДВЕДЯ.

ЛЕНЯ. Спасите! Караул! Мишка, на помощь, на меня мишка напал!

Вбегает МИША. В руках у него новое ружье с толстым стволом.

ЛЕНЯ (*прячется за спину товарища*). Стреляй скорей! МИША (*медведю*). Внимание, прицеливайся... Спокойно, стреляю.

МИША стреляет. Вспышка света, громкий щелчок.

МЕДВЕДЬ стоит на месте.

ЛЕНЯ. Промазал, Мишка, не попал! Ах, что мне делать, я пропал!

Из ружья выскакивает снимок МЕДВЕДЯ.

МИША (*медведю*). За съемку вас благодарю, на память снимок вам дарю.

МЕДВЕДЬ кланяется.

ЛЕНЯ. Миша! (*медведю*). И ты, Миша! А у меня, кажется, песня начинает получаться.

(Поет).

Чтоб убивать зверье в лесу,

я в лес ружье не понесу,

которое стреляет!

Чтобы на память снять зверье,

другое в лес возьми ружье —

которое снимает!

МИША. А у меня к твоей песне припев получается! (*Поет*).

Пусть охота

будет фото!

Через фотообъектив

можно выстрелить в кого-то...

МЕДВЕДЬ (*поет басом*). Так, что кто-то (*бьет себя лапой в грудь*) будет жив!

МИША, ЛЕНЯ, МЕДВЕДЬ (*поют вместе*).

Пусть охота

будет фото!

Через фотоаппарат

можно выстрелить в кого-то

так, что кто-то

будет рад!

Эту клоунаду можно разыгрывать не только с куклами, но и с живыми актерами.

«Фотографию» медведя и валенок нарисуйте сами и вырежьте.

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

Поступили важные известия из штаба АРЧЕБЕКА: определены победители прошлого года Олимпийского турнира рыцарей. Места на пьедестале почета завоевали —

шахматисты:

Сергея Аборнев, Саша Алякин, Марат Акберов, Игорь Баранов, Валерий Балаев, Лена Белкин, Коля Булатов, Миша Барановский, Яша Бенькович, Жена Водясов, Саша Волков, Ваня Волков, Азамат Галимлин, Юра Глебо, Сергеа Грачевский, Жена Дементьев, Валерий Ефимов, Сергеа Жаидаров, Саша Зуб, Коля Зыков, Игорь Ищенко, Слава Иломжиков, Сергеа Кузнецов, Коля Коробков, Андрей Коновалов, В. Казначеев, Сергеа Коняев, Павел Катеринич, Саша Карташов, Сергеа Крыжановский, Володя Кулагин, Сергеа Левицкий, Сергеа Лоскутов, Андрей Мехонцев, Сергеа Мальцев, Миша Меркулов, Рим Музипов, Андрей Медведев, Володя Мацула, Алексей Неаев, Сергеа Орлов, Жена Поляков, Саша Попов, Володя Пичужкин, Валерий Пуловкин, Вита Прошин, Володя Панкевич, Володя Полянский, Сергеа Пашковский, Владислав Ротбуй, Геннадий Рубанец, Юра Семенов, Сергеа Сиников, Юра Селявкин, Лев Сафронов, Сергеа Солотчин, Фарит Садриев, Сергеа Соляник, Магомед Сукиев, Геннадий Синоков, Вайдатас Стакилевичюс, Алексей Сумин, Володя Травин, Вита Тарасенко, Сергеа Тельных, Саша Терентьев, Вита Трошин, Миша Фрейдгейм, Сергеа Федоренко, Володя Фигуров, Э. Хайретдинов, Сергеа Хромов, Володя Чебыкин, Жена Часовников, Георгий Чмелев, Володя Чернушевич, Миша Штейнбух, Альберт Шигапов, Лена Шурыгин, Коля Шурыгин, Саша Шураев, Володя Шведов, Володя Шуплецов, Лев Эпштейн, Боря Эренбург, Сергеа Яланский, Вита Яскош, Вита Горшков.

шахисты:

Таня Алексеева, Андрей Гринев, В. Гавря, Коля Евсеев, Валерий Карбушев, Сергеа Мальцев, Володя Македонский, Юра Мальков, Сергеа Меркурьев, В. Миленский, Сергеа Орлов, Володя Пудиков, Берик Рысбеков, Валентина Сергиенко, Лариса Сапрыкина, Саша Терешонок, Сергеа Таранов, Саша Шураев.

Набрав в финале по 120 очков, эти рыцари выполнили норму 2-го спортивного разряда и награждены дипломом и памятным подарком.

Документы о присвоении третьего и четвертого разрядов получили 308 рыцарей.

Экзамены на звание рыцаря АРЧЕБЕКА успешно сдали 165 рыцарей.

Всем перечисленным в этом сообщении — трижды салют!!!

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА

Шахматисты! Вам надо решить две задачи.

А. Белые: Крf2, Фa8, п.d 5; черные: Крh1, Ch8, пп.d6, h2. Мат в три хода.

Б. Белые: Кра7, Кс7, Ке6, пп.b2, e5; черные: Крс6, п.e 7. Мат в пять ходов.

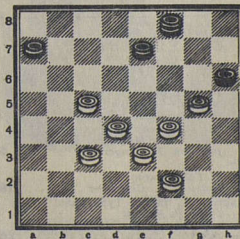
Шашисты! Вам надо найти две победные комбинации.

А. Белые: a1, c1, e3, e5, g3, h4; черные: a3, c5, f8, g7, h6, h8.

Б. Белые: c1, c3, c5, d4, e1, f2, f4, g1; черные: a3, a5, a7, b6, c7, e7, h2, h6.

КНИГА ЖАЛОБ

«Я — Коля Бобров. Я играл с Петькой Крюковым, и у нас получилось такое положение:

Тут Петька пошел 1. g5—f6. Я взял — 1... e7:g5. Он—2. c5—d6. Я, конечно, побил дамкой так — 2... f8: b4:e1:g3:h8 и сказал ему: «Сдавайся!» А он заявил, будто я не имею права

так бить, будто я должен остановиться дамкой на e5. Какой хитренький! Хотел побить мою дамку! Мы спорим уже три недели. Рассуди нас, Пешководов».

Резолюция шахмат-капитана Пешководова:

1. Жалоба напрасная — неправ сам рыцарь Бобров!

2. Всем рыцарям поясняя: бьющей шашкой нельзя дважды перепрыгивать через одну и ту же шашку. Так говорит «правило турецкого удара». Оно также требует снимать с доски побитые шашки только после завершения удара. Поэтому рыцарь Бобров обязан бить так — 2... f8:b4:e1: g3:e5 и стоп: через шашку d6 дамка уже перепрыгивала — больше нельзя, а бить шашку d4 тоже нельзя — за ней нет свободного поля, так как до завершения удара шашка c3 должна оставаться на доске.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Знаком ли ты с главным оружием рыцарей АРЧЕБЕКА? Называется оно — быстротат. Огонь из него ведется по черному королю. К стрельбе приготовься! Фигуры расставь!

Белые: Крf6, Лc3; черные Кр8. А теперь — пали! Дай сопротивляющемуся черному королю самый быстрый мат!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так.

Турнирные (шахматы). А. 1. Лd6! Б. 1. Фd6!

Турнирные (шашки). А. 1. fg7! 2. ed4! 3. gf6 4. fg5X. Б. 1. ed2! 2. hg5! 3. gh4X.

Для рыцарей. Превращая пешку в коня, белые дают мат — 1. h8K(X).

Книга жалоб. Надо добавить черную шашку: а) в первой позиции — на d6 (и тогда 1. hg7 cd4 2. gf8X), б) во второй — на b4 (и тогда 1. bdb6(X), в) в третьей — на a7 (и тогда 1. dcs5(X)).

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Сражающимся за титул чемпиона, а также рыцарям — отослать рапорты до 1 июня.

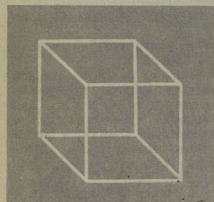
§ 2. В верхнем левом углу конверта пометчать «АРЧЕБЕК», писать свой пароль и номер приказа. Два рапорта сразу не принимаются.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

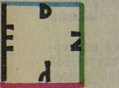
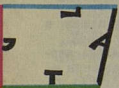
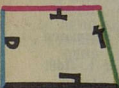

Оформление
А. Аземиси
и
А. Харшака

ЧЕТЫРЬМЯ КАРАНДАШАМИ РАЗНОГО ЦВЕТА, например: красным, зеленым, синим и черным, начертите 12 ребер куба так, чтобы каждая из шести граней была заключена между 4 ребрами разного цвета. Кто решит эту задачу, тот легче разберется и в задании, помещенном в разделе «Квартира 64».

Ребята из квартиры 64 заняты подготовкой к прилету птиц. Вот из каких деталей делают они скворечники.

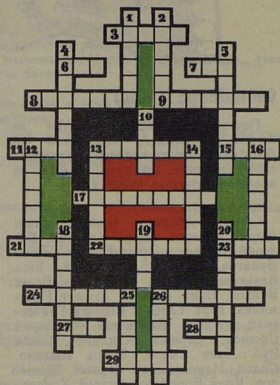
На чертеже дан вид деталей с наружной стороны скворечника, а одинаковым цветом раскрашены те ребра досок, которые примыкают одно к другому. Если вы будете складывать скворечник в том же порядке, в каком его собрали ребята из квартиры 64, не перепутав переднюю, заднюю и боковые стенки, крышу и дно, то на каждом ребре должны из двух половинок сложиться буквы, составляющие фразу из двух слов.

КРОССВОРД

Составила Таня Губанова, г. Херсон

По горизонтали: 3. Один из двух городов Азербайджанской ССР, названия которых различаются только последней буквой. 6. Приток Волги. 7. Город на о. Сахалин. 8. Наездник. 9. Тетрадь для записи уроков и отчетов. 11. Территория около дома. 13. Столица союзной республики. 15. Кухонная принадлежность. 17. Великий испанский писатель. 21. Отверстие в стене для дневного света. 22. Русский поэт. 23. Город в Туркменской ССР. 24. Русский философ-гусар. 26. Вид шкафа для посуды. 27. Лиственное дерево. 28. Хвойное дерево. 29. Человек, приглашенный в дом.

По вертикали: 1. Название популярного иллюстрированного журнала. 2. Столица европейского государства. 4. Картина В. М. Васнецова. 5. Работник железнодорожного транспорта. 10. Инструмент. 12. День недели. 13. Столица государства в Азии. 14. Город севернее оз. Севан. 16. Сельскохозяйственная машина. 18. Сорт яблок. 19. Хищное животное. 20. Река в Средней Азии. 25. Название советского космического корабля. 26. Государство в Древней Греции.

* * *

Раскопав древний курган, археологи обнаружили семь круглых бронзовых печатей и один оттиск печати на глине. Можно ли предположить, что оттиск сделан с одной из найденных печатей, а если да, то с какой именно?

ОТВЕТЫ
НА ЗАДАНИЯ
№ 3.

1. Конфета весит 10 граммов. Вилка — 25 г, Ложка — 40 г. Чашка — 155 г. Полфунта = 205 г = чашка + 2 вилки. Полмины = 215 г = чашка + ложка + 2 конфеты. $\frac{1}{7}$ мины = 65 г = ложка + вилка.

СОДЕРЖАНИЕ

Космонавт — пионером беседа с генерал-майором Г. Т. Береговым фото Е. Синявера оформление Г. Никеева	1
Врешь, не возьмешь! повесть М. Мохова рисунки Т. Капустинной	5
Стихи Г. Горбовского рисунки Б. Семенова	19
Здравствуй, пионер Турсунали! очерк Л. Резина оформление М. Бело- дильского	20
Стихи Яакко Руговеа рисунки Т. Соловьевой	24
Дорогие мои наставники из воспоминаний В. Павловой рисунки Н. Кошелева	26
Надо спасать детей! рассказывает Л. Исупова рисунки Ю. Шабанова	32

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА оформление А. Януса	35
Если захочет рабочий — станут машины, и точка! очерк Б. Никольского оформление А. Гетманского	36
Боба и слон киноповесть В. Голякина рисунки автора	40
Три девичьи под окном репортаж О. Колесовой фото О. Васильевского	48
Морская газета	60
Поговорим о твоём рисунке	62
Магнитофон рассказ Н. Федорова рисунки Н. Муратова	64
Зеленые страницы ведет Н. Сладков	66
Спорт	68
Театр „Уголька“	61
Арчебек шахматы и шашки	63

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Идет поиск затерявшегося в районе бывшей Мангазеи отряда «Искагель-2». Изучается район бывшей Мангазеи. По заданию штаба строятся походные метеостанции.

Помните, почему сбился с пути отряд «Искагель-2»? Неизвестные лица уничтожили створный знак, и отряд заблудился. После этого экстренного случая штаб экспедиции приказал провести операцию «Навигационный огонь!» Сотни отрядов экспедиции уже включились в операцию и взяли под наблюдение все ближайшие к расположению отряда знаки ограждения навигационных опасностей. Экспедиция «Гидрограф» продолжает.

«В районе мыса Челюскин обнаружили гурей, и в нем под камнями нашли записку: «На этом месте мы, отряд «Искагель-2», вышли к морю. Больных нет, настроение боевое. Починили найденный на берегу баркас. Попытаемся добраться до бухты Тикси».

Начальник отряда «Ассоль»
(АГ-65)

«В Мангазее поморы впервые пришли в шестнадцатом веке. Мангазейская земля была в низовьях рек Обь и Таз. В 1940 году гидрографами Севморпути на Таймырском полуострове были найдены остатки одной из поморских экспедиций в Мангазее — топоры, колокола, предметы торговли.

Командир отряда «Меркурий-4»
(АГ-91) Саша Антонов»

«Высылаем чертежи нашего самодельного указателя направления и силы ветра. Мы его укрепили на высоком шесте.

Пояснение к чертежу:

1. Качающаяся пластинка. 2. Шкала-указатель силы ветра. 3. Указатель направления ветра. 4. Указатель сторон горизонта.

Отряд «Надежда» (АГ-60)

«На нашей речке Гуслянке нет маяков. Я их только на почтовых марках видел. Посылаю вам несколько таких марок с маяками.

Алеша Седов»

ПОЧТА ЭКСПЕДИЦИИ

«Мощная плотина длиной в одиннадцать километров скоро перекроет Кубань близ Краснодара. Тогда образуется водохранилище площадью 440 квадратных километров...

На правом берегу реки на окраине Усть-Лабинска стоит высокий памятник герою-пионеру Мусе Пинкензону. Здесь юный герой был убит фашистами. Памятник построен на сред-

ства нашей школы с помощью. Наша дружина носит имя Муси Пинкензона. Мы часто ходим к памятнику, сажаем цветы, подбеливаем деревца.

Когда разольется море, памятник станет хорошо видимым навигационным ориентиром и будет указывать путь кораблям.

Галя Коваленко, Усть-Лабинск»

ВЫПОЛНЯЕМ ОПЕРАЦИЮ «НАВИГАЦИОННЫЙ ОГОНЬ».

«Покрасили створные знаки, ведущие к рыбачьему причалу. Расчистили просеку створа в бухте Озерки.

Отряд «Отважные» (АС-06)»

«Гидрографов у нас нет, а приезжают из Тюмени. Мы сами начали наблюдать за исправностью гидрографических знаков. Наши знаки показывают мель, ширину реки Конда и где плыть нельзя...

Саша Бобров, отряд «Дельфин», г. Урай»

ПРИКАЗ № 2

а) Для продолжения поиска отряда «Искагель-2» всем следовать в район бухты Тикси. Доложить, каким гидрографическим судном или военным кораблем располагает отряд для морского поиска. Перечислить известные гидрографические

операцию «Навигационный огонь». Доложить, каким маяком и навигационными знаками еще средства навигационных опасно-

рунка А. Курушина

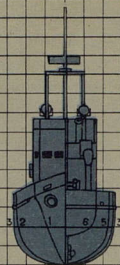
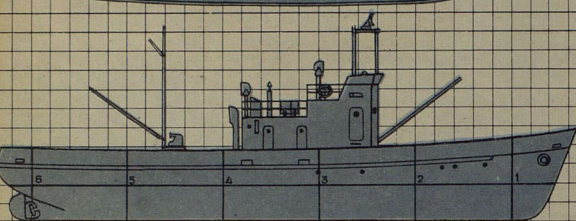
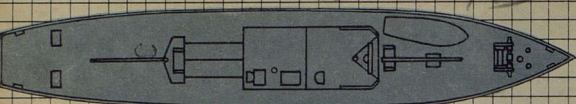
Зам. главного редактора Ю. А. Юркан
коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Л. Н. По-
годин, С. В. Сахаров, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терехинский (отв. секретарь), В. В. Торопыгин,
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова.

Главный редактор
Г. М. Чернякова

Корректор В. А. Мавская

Технический редактор
В. И. Мещатнова

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76
Дано к печати 26/II 1973 г. Формат 60х90. Печ. л. 8+обл. 8.8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 11. Цена 25 к.
Печать на фабрике офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном Комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. Кронверкская ул., 7.

ГИДРОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОМЕРНЫЙ БОТ

Склей несколько дощечек вместе, чтобы получить брусок толщиной в 10 см и шириной в 12 см. Из бруска выстругивается корпус модели. Правильность обводов проверь шаблонами корпуса (см. чертеж поперечного сечения). Все части модели вычерчены на мелкой сетке, но сторона каждой клеточки сетки на твоём рабочем чертеже должна быть равна 2 см. Корпус выдолби и внутри укрепи шесть брусочков. На них приклеивается фанерная палуба. Из тонкой фанеры выпиливается и клеится рубка. Рубка съемная для доступа к электромотору и батареям питания, которые размещаются под палубой. Остальные детали изготавливаются

из брусочков дерева. Еще тебе понадобится проволока для лееров, пластинка меди для блоков и нитки для канатов. Корпус покрой два-три раза олифой и покрась масляной краской, как указано на рисунке.

Пояснения к чертежу: 1. Рубка. 2. Вентилятор. 3. Световой люк. 4. Прожектор. 5. Огнетушитель. 6. Фонарь. 7. Компас. 8. Брашпиль. 9. Кнехт. 10. Блок. 11. Лебедка. 12. Антенна радиолокатора. 13. Ходовой огонь. 14. Подставка (ростры) под шлюпку. 15. Якорь. 16. Люк. 17. Флаг гидрографических судов ВМФ СССР.

И. Секретарев

Рисунок и чертёж автора

